

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

©RIENTALIA^â

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies
St. Petersburg Branch

V. V. Kushev

«GULSHAN-I AFGHĀN»:

**a work of the XVIIIth century Afghan poet
'Alī-Akbar Orakzay**

St. Petersburg
2003

Российская Академия наук
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

В. В. Кушев

«ГУЛШАН-И АФГАН»:

**сочинение афганского поэта XVIII в.
‘Али-Акбара Оракзая**

Ñàíèò-Ĭàòááóóã
2003

ББК 891.58-1
УДК Ш5(5Аф)4-5

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН

Подготовлено к изданию при поддержке РГНФ (проект № 98-01-00393)

Издано при поддержке РГНФ (проект № 01-01-16022д)

В. В. Кушев. «Гулшан-и афган»: сочинение афганского поэта XVIII в. ‘Али-Акбара Оракзая. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 128 с. (Orientalia).

В книге предлагается важное для расширения представлений об афганском культурном наследии и о литературно-исторических процессах в паштоязычном ареале исследование уникального манускрипта, содержащего произведения не известного по другим источникам поэта XVIII в. В источниковедческой части на основе сведений исторического и биографического характера, имеющихся в стихах 'Али-Акбара, реконструированы основные вехи жизненного и творческого пути поэта, который был также заметной административной, военной и религиозной фигурой. Здесь же дано кодикологическое, текстологическое и лингвистическое исследование рукописи и сочинения.

В приложении представлены переводы и факсимиле оригинальных текстов избранных касыд ‘Али-Акбара Оракзая.

Книга подготовлена к изданию при участии М. С. Пелевина.

Iadara+aodea aaiaiai ecaaiay, a daai iaaaeuiuo aa +anoae caidaaia. Epaia enneuciaaiea iaoadacia
aaiaiai ecaaiay aiciai eneeb+oeaui n ienuiaiai dacoaaiy ecaaooeunoa.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-249-4

© «Петербургское Востоковедение», 2003

© Санкт-Петербургский филиал Института
востоковедения РАН, 2003

Зарегистрированная
торговая марка

**ВВЕДЕНИЕ
В ИЗУЧЕНИЕ РУКОПИСИ
«ГУЛШАН-И АФГАН»**

Рукопись сборника произведений на афганском и персидском языках поэта ‘Али-Акбара Оракзая хранится в арабо-персидском фонде Матенадарана под номером 538. Она была приобретена в 1956 г. у жителя Еревана О. А. Гукасяна, которому ее подарил москвич В. В. Ворковицкий.

Первым иранистом, познакомившимся с рукописью, был профессор Д. Н. Маккензи, который посетил Матенадаран весной 1963 г. и получил микрофильм для Британского Музея *, однако в научный обиход она была введена несколько позднее, в 1964 г., когда афганский филолог и поэт ‘Абдаллах Хидматгар Бахтанай опубликовал в журнале «Кабул» статью с кратким описанием рукописи и текстом скопированных им нескольких стихотворений на афганском языке [Бахтанай I]. Спустя еще некоторое время содержащиеся в рукописи сочинения и миниатюры были изучены достаточно подробно и полно подготовителями предлагаемой публикации [Кушев I, II, III; Амирбекян I, II]. Рукопись и переписанные из нее рукой В. В. Кушева касыды отмечены в изданном в Афганистане каталоге [Хевадмал II] **.

* Письмо Д. Н. Маккензи В. В. Кушеву от 11 марта 1978 г.

** В настоящем издании система транслитерации и форма передачи восточных терминов, собственных имен и названий сочинений в основном сохранены в том виде, в каком они представлены в авторской рукописи В. В. Кушева (1927—2001). Транслитерация основана на латинской графике и содержит некоторые элементы иранистической транскрипции (например, глухой и звонкий увулярные щелевые передаются соответственно как *x* и *ɣ*, конечная *h* в словах с исходом на *a* не отмечается и т. п.); афганские церебральные звуки передаются по типу *r̥*, *ś*, *h̥* и т. д. В русской передаче терминов личных имен, топонимов, этнонимов, названий сочинений используются только диакритические знаки для буквы ‘айн (‘) и хамзы (’). Термины выделены курсивом. — М. С. Пелевин.

**Характеристика рукописи:
переплет, бумага, оформление, приписки**

Переплет рукописи выполнен из плотного многослойного картона, обтянутого черной кожей, которая сильно потерта и приобрела бурый цвет. Переплет был, видимо, подмочен, и после высыхания кожа потрескалась, углы обкрошились. Внутренняя сторона переплета оклеена коричневатой-красной кожей. Обе крышки отделены от корешка и переставлены, при этом верхний край оказался внизу; соответственно, неверно наклеен шифр рукописи. В тех местах, где кожа отклеилась и скололась, на картоне переплета видны несколько букв, написанных почерком, похожим на почерк в тексте рукописи. Переплет выполнен мастером по имени Баха ад-дин Пишавари, о чем свидетельствует надпись *'amala bahā addīn pīšāwarī*, вытисненная четырежды в верхней и нижней частях крышек переплета.

Размер переплета — 173 × 287 мм. Его тиснение состоит из наружной (в 2—3 мм от края) рамки из двух линий общей шириной 4—5 мм, рамки шириной 4 мм, образованной маленькими овалами, расположенными под углом 45 градусов, полосы шириной 10—12 мм с растительным орнаментом внутри, рамки (3—4 мм) из тонкой и толстой линий и внутреннего поля (123 × 246 мм) с растительным орнаментом, повторенным в большом числе горизонтально вытянутых медальонов, расположенных в шахматном порядке. В размеры внутреннего поля входят две горизонтальные полосы шириной 15 мм в верхней и нижней части поля. В середине каждой полосы, в рамке длиной 62 мм, находится уже упомянутая надпись, содержащая имя переплетчика.

На внутренней стороне нижней крышки абрис человеческой головы. На внутренней стороне верхней крышки две записи тонким пером черной тушью: *ba t, arīq-i amānat kitāb-i hāz ā az jināb-i fażā'il-āgāh āxūndzāda s, āh, ib mībāšad, tā tū-rā dīdam na dādam h, ill ba kas*. Часть первой записи — *amānat-i āxūndzāda s, āh, ib mībāšad* — повторена той же рукой, синими чернилами, на л. 1а (пустом, но с заготовленными для текста рамками) на поле у корешка книги, при этом она пересекает рамку.

Бумага, на которой написан текст, — кашмирского производства: тонкая, плотная, лощеная, кремового цвета, с волокнистой структурой (большая часть листов нарезана таким образом, что

волокна расположены горизонтально). Средняя часть листа с текстом отличается более темным бежевым цветом, на некоторых листах разница в оттенке цвета между этой частью листа и полями особенно заметна.

Бумага миниатюр плотная и толстая (листы склеены из двух), слабопощенная, кремовая. Бумага последних листов рукописи, следующих за миниатюрами, — толстая, менее плотная, волокно не просматривается.

Размер листа — 160 × 280 мм.

Углы, края, многочисленные надрывы реставрированы восточной бумагой большей частью одного и того же (плохого) качества.

Листы 2, 3, 72—87, 212, 213 плохо вшиты, некоторые выпадают.

На последнем листе (225б) оттиск довольно большой квадратной печати с нечеткими орнаментом и легендой.

Афганский и персидский тексты писаны черной тушью, в персидском тексте киноварью выделены заголовки, слова *naz*, *m*, *tuh*, *attmad*, пояснения на полях, на рисунках и к рисункам.

Почерк — крупный, четкий, красивый *наста'лик*, более мелкий в персидской части.

По краю листа — рамка (*джадвал*) (150 × 260 мм), состоящая из тонких синей, красной и двух золотых линий, стихи обрамлены золотыми линиями (100 × 190 мм). Рамки заготовлены и на всех тех листах, где текст не вписан; это листы: 1, 7б, 8—13, 21б, 26б, 3б, 39б, 40б, 42б, 50, 53б, 54а, 70б, 77а, 78а, 97а, 100а, 101а, 130б, 137б, 147б, 148а, 152а, 153а, 163б, 164б, 167б, 168б, 169б, 170б, 171а, 172б, 174а, 177б, 179, 180, [181, 182], 188а, 194, 195а, 196б, 198, 199б, 201а, 205а, 206а, 208а, 209а, 211а, 213а, — всего 67 (71) листов, многие из них заполнены лишь частично. В частности, на л. 172б только поздняя вставка, на л. 194б затерт ряд букв и ряд букв вписан, на л. 211а маленький силуэт павлина. Пустые листы 195а и следующие — оборотная сторона миниатюр.

Унваны на л. 14б, 18б, 82а, 89б, 101б, 135б, фронтиспис на л. 78б—79а, многочисленные заставки, виньетки, орнаменты выполнены с использованием красной, желтой, розовой, фиолетовой, зеленой и синей краски.

Кустоды имеются не на всех листах рукописи. На некоторых листах они не были обозначены, на других срезаны, видимо, при изготовлении переплета и частичной реставрации, кое-где не совпадают с началом текста следующего листа. Все это можно объяс-

нить тем, что книга не была окончательно подготовлена автором или переписчиком, не все листы были заполнены и расположены в предварительно намеченном порядке; несовпадение кустода и текста может быть обусловлено и отсутствием, и неправильным расположением отдельных листов. Вероятны лакуны после л. 19, 40, 173, 174, 183, 190. Можно также усматривать наличие лакун или перебитые листы в тех случаях, когда последующий текст не соответствует кустоду:

	кустод	последующий текст
206	<i>d— čāre</i>	<i>xdāy de kā</i>
256	<i>č— d— nāz</i>	<i>darīya ma wī</i>
286	<i>stā</i>	<i>wāqi ‘āt me wu</i>
296	<i>d— sardār</i>	<i>p— har tār kše</i>
(здесь должен находиться л. 7, см. ниже)		
386	<i>č— l—</i>	<i>č— naz, ar d— toro st—</i>
<i>rgo</i>		
436	<i>sar ba d—</i>	<i>d— śāy—st zakāt</i>
726	<i>p—</i>	<i>č— l— gulo d— čaman</i>
746	<i>d— čand</i>	<i>čā ta wāy—m</i>
756	<i>k— mullā</i>	<i>karam ba stā</i>
846	<i>hast</i>	<i>h, āl-i ośān</i>
866	<i>šāhbāz</i>	<i>hast kūy-at</i>
(словами <i>šāhbāz-i xūd-am</i> начинается л. 88а, то есть л. 87а должен следовать за л. 846, а л. 88а — за л. 866)		
1746	<i>kamān</i>	<i>z, arb-i xadang</i>
1836	<i>bandagān</i>	<i>az h, urūf-i awwal</i>
1906	<i>t, awr</i>	<i>h, usn-i tū-rā</i>

Кустоды вписаны черной тушью и только на л. 896 — киноварью (по-видимому, потому, что каллиграф уже писал здесь перед этим киноварью пояснительный текст к миниатюре).

В рукописи имеются приписки, часть которых сделана рукой переписчика (поправки и пояснения к тексту и миниатюрам), некоторые другие — более позднего происхождения.

На л. 896 киноварью написан текст к сюжету миниатюры (л. 2016), иллюстрирующей *маснави* о родословной Шах-Накшбанда, которое начинается на том же л. 896: *yā sattār h, aqīqat-i nasabnāma-i jināb-i h, aẓrat-i qut, b-i rabbānī mah, būb-i subh, ānī šāh-i šāhān h,*

ažrat-i šāh naqšband walī xwaja-i muškilgušā qaddasa 'llāhu ta'ālā rūh, ahu az išan tā jināb-i h, ažrat-i amīr al-mu'minīn šāhmardān 'alī karāma 'llāhu wajh, ahu.

В средней части л. 896 вписан черными чернилами пояснительный текст, предшествующий «молитвенной» касыде *našruhu*, связанный с миниатюрой на л. 210б, которая иллюстрирует эту касыду, и излагающий историю ее написания:

dar xāna-i ki xatm-i mus, h, af-i majīd l...ī ba anjām rasānad ba šarh, gufta qas, īda-i du'ā šāgird-u ustād ba t, arīq-i ma'lūm mīxwānand l...ī čand mis, rā' wa bayt-i ustād ba yād būd šāmil karda

qas, īda-i muštamil bar h, amd-u na't-u manqabat-i jināb-i h, ažrat-i pīr-i dastgīr h, ažrat-i xwāja bahā ad-dīn-i muškilgušā qaddasa sirrahu-l-'azīz wa isti'ānat az jināb-i išan manz, ūm šuda wa musammā ba našruhu gašta muqarrar ast ki ustād dar rūz-i xatm kardan-i kalāmullāh dar xāna-i šāgird rafta mīxwānad wa bar hamīn qā'ida du'ā mīnamāyad

На л. 92б — приписка наискось на полях. Текст всех строк частично срезан (при изготовлении переплета); видимо, он также имеет отношение к касыде *našruhu* (встречаются те же сочетания слов, улавливается то же самое содержание, но имеется дополнительная информация):

*[na]šruhu gufta qas, īda
[ba] jihat-i xatm-i kalāmullāh
[ta]wallud-i pisar wa yā šādī
-ir dar balada-i pīšāwar
xwānda mīšawad
[ba] 'zī mis, rā[hā]
[mu]rād az ustād
[ba] yādbūd-i hamān
-īn jābajā*

*[mi]s, rāhā-rā
dāxil karda
qas, īda ba kār
-bz wa gufta šuda
[h, aq]īqat-i maẓmūn
-yš fard
tah, rīr yāfta
šud*

На л. 98б—99б — рубай, по-видимому, составленные Шах-Накшбандом; перед ними заголовок: *rubā'iyāt-i fāyīz al-barakāt-i pīr-i dastgīr h, ažrat-i xwāja-i muškilgušā qaddasa sirrahu.*

На л. 99б — газель, вписанная позднее, небрежным почерком, ее начало *tayāful čī h, ijāb ba xūd čīda bāšad.*

На л. 100б вписано небрежно, без соблюдения рамки, персидское рубаи, сочиненное с использованием афганского рубаи ‘Абд ал-Кадира Хаттака (*мазмун*): *taẓmīn-i rubā’ī-yi afyānī min kalām-i ‘Abd al-Qādir Xatāk: zamāna-i ātaš-u hastī-yi tū dāna-i isfand...* — и переписанное хорошим почерком еще одно персидское рубаи: *ay tū k-ān h, iṣṣā-u ‘ilm-u yaqīn * fayẓ-i ‘ālam tū-rā-st zīr-i nigīn...* В разных местах рукописи встречаются не только приписки и вставки, сходные с теми, что приведены выше, но и следы авторской правки. На л. 125а и 164а буквой «нун» в тексте обозначены те места, к которым относится авторская правка на полях; в одних случаях исправляемые слова стерты или замазаны, в других оставлены нетронутыми. На л. 122а стерто название деревни, на л. 164а внесены уточнения: слово «враг» со стертым определением к нему заменено на «презренный Каримдад», а «пусть сгинет свинья» — на «изгони из Кашмира» (такая конкретизация могла быть обусловлена изменением положения автора по отношению к этому наместнику, см. ниже). В нескольких словах, относящихся к ненормативной лексике, автор заменил букву *k* на *h*, но нужную букву поместил между строк.

Начиная с л. 156, автор киноварью делает на полях пояснения к тем газелям, в которых применены технические приемы поэтики, главным образом — использование определенной буквы для первого слова каждого бейта газели: *sīn* (156б), *tā* (166а), *hā* (167а), *zād* (175а), *dāl* (178а), *śā* и *zā* (183а), *zā* (189б), *šīn* (192). Во всех этих случаях поэт поясняет, на какую именно букву начинаются бейты, например: *s, an ‘at-i ān ki sar-i har bayt-i īn ṣazal sīn āwarda šud*.

Л. 167 был, вероятно, сразу после переписки нескольких строк, когда тушь еще не просохла, сложен с л. 166, в результате на этом листе образовался «зеркальный» отпечаток.

В газели на л. 184а первые буквы бейтов составляют имя духовного наставника поэта в суфийском братстве ‘*b d a l r h, ī m*. На л. 188б — газель, в которой, как объясняет поэт, второе полустишие содержит высказывание *муришида* автора. Имеются стихотворения, вписанные позднее, в том числе и принадлежащие самому ‘Али-Акбару. Среди последних стихотворение *dar manqabat-i jināb-i h, aẓrat-i xwāja-i buzurg* (л. 161б—163а), газель на л. 187а, б, *мухаммас* на л. 192аб (начало его чернового варианта — на л. 172б).

На л. 194б, в поле между рамками, имеется ряд отдельно выписанных букв *k [т. е. g] r n ī h ī b ċ m n b ā d s b ā m ī r n j d*, которые, без сомнения, были подготовлены для составления акростиха.

Основному тексту рукописи, открывающемуся на л. 14б предисловием к сборнику афганских стихов, предшествуют тринадцать листов, из которых л. 1, 7б, 8—13 не заполнены, а на л. 2а—7а помещены персидские стихотворения разных авторов, переписанные небрежным почерком, большей частью по диагонали и с пересечением рамок, заготовленных на л. 2—13, таких же, как во всем сборнике стихов на пашто.

На л. 2а газель поэта Висала, ее начало (*матла*):

*hangām-i nawbahār gul az bustān judā
yā rabb mabād hīčkas az dustān judā*

На л. 2б газель Фани, кокандского поэта XV в., ее начало:

*har dil ki šud asīr-i tū āzād kay šawad
har jān ki yāft zadan-i γam-at šād kay šawad*

На л. 2б—3а газель Фани, ее начало:

*dar γunča šakar dārī guftār čunīn bāyad
barg-i gul-i tar dārī ruxsār čunīn bāyad*

На л. 3а газель Амира Хосрова, ее начало:

*but-i nawrasīda-i man hawas-i šikār dārad
dil-i s, aydkarda hawas ba yak-ī hazār dārad*

На л. 3аб газель Фани с тем же началом, что и его газель на л. 2б—3а.

На л. 3б газель Фани, ее начало:

*guftī suxan az hijr-u ‘arż az murdan-i man būd
murdam man-i dilsuxta āh īn čī suxan būd*

На л. 3б—4а газель (Мастана?), ее начало:

*agar mībīnam šab nāgah man ān sult, ān-i xūbān-rā
sar-ī dar pāy-i way āram fadā sāzam dil-u jān-rā —*

и конец (макта ‘)

*ba gird-i ka ‘ba kay gardam ki rūy-i yār-i man ka ‘ba-st
kunam t, awwāf ba mayxāna bibūsam pāy-i mastān-rā*

На л. 4а газель (Губара?), ее начало:

*ki amīn šahrārā-st īn ki jūlān dāda mīāyad
ba čašm čašm-i mast-aš ba tīy ‘uryān karda mīāyad —*

и ее окончание:

*‘ajāyib šayd-i bīrang xirāmān karda mīāyad
yubārāluda čandīn xāma wayrān karda mīāyad*

На л. 4аб газель, конец которой отсутствует, ее начало:

*az ‘išq-at ay parī gaštam xarāb āhista āhista
kī mīāyad ba čašm-i mastxarāb āhista āhista*

На л. 5а газель Бедила или Ашика (?), ее макта ‘:

*čī t, īfl-i banda bāšad čī banda banda-i bīdil
čī bīdil bīdil-i ‘āšiq čī ‘āšiq ‘āšiq-i hayrān*

На л. 5а газель Музниба (посвященная Кашмиру), ее макта ‘:

*mulk-i kašmīr-ast yā rabb yā gulistān-i iram
muznib mīxūrad-u xwāb-u sayr-i kašmīr-ast man*

На л. 6аб газель Факира (или Икбала?), ее макта ‘:

*ay faqīr biyā bāl-i humā balki tū bāšī
sarmāya-i iqbāl rasā balki tū bāšī*

На л. 6б газель Диванá, на л. 7а газель Хилали.

На первой строке л. 7а, то есть перед газелью Хилали, помещен единственный бейт на пашто, вписанный рукой основного переписчика рукописи:

*d— sardār p— ywāž qabūl d— čā h, arf naša
ka ye šīm—r ka yazīd aw ka mardān d—y*

Несомненно, этот лист предполагалось поместить после л. 29, который заканчивается стихотворением с той же рифмой *-ān d—y*

и имеет кустод *d— sardār*, соответствующий началу приведенного выше бейта (в то время как л. 30 начинается словами *p— tār kše* стихотворения с другой рифмой). В конце рукописи обнаруживаются две более поздние даты, на восемьдесят лет отстоящие от упоминаемых в сочинениях событий: 1261 г. *хиджры* (1845 г.) на обороте одной из миниатюр (л. 202а) после пробы пера почерком *шикаста* и 1277 г. х. (1860/61 г.) после вписанного другой рукой рассказа из «Гулистана» (л. 193б), текст которого заключен в такую же рамку, как и стихи сборников. Можно предположить, что рукопись к 1261 г. х. еще не имела вида переплетенной книги, так как часть текста на л. 202а, находящаяся по краям, срезана, очевидно, при изготовлении переплета.

Афганская часть сборника «Гулшан-и афган» уже некоторыми своими внешними признаками производит впечатление автографа: многие газели не завершены, иногда перед следующими за ними стихотворениями оставлено место только для *макта*‘, иногда оставлены несколько строк. Порой оставлен пустым верх страницы либо на ней вписаны лишь один-два бейта, некоторые страницы вообще без текста. Часть листов перебита, что можно установить по тексту больших касид. На полях имеются варианты бейтов и поправки такого характера, какие мог внести только сам автор стихов. Стихотворения не имеют принятого для диванов расположения рифм в алфавитном порядке. Все это согласуется со сказанным в авторском предисловии о том, что сочиненные в юности стихи были записаны на «разрозненных листах», а позднее объединены в сборник, и позволяет утверждать, что рукопись действительно является автографом, но не черновым, а переписанным на бело красивым *наста’ликом*.

Впрочем, в качестве доказательств этого могут быть привлечены достаточно веские факты другого рода. В частности, ‘Али-Акбар, обычно называющий свой «Гулшан-и афган» сборником (*тајтӣ’а*) и — реже — диваном, в конце предисловия пишет о нем и как о рукописи: «Охрани, господь, эту рукопись от превратностей времени, а автора улади в обоих мирах» и «О боже, охраняй покой того, кто будет читать эту рукопись и за меня молиться» (л. 18а). Естественно, что переписчик заменил бы слово «рукопись» на «книгу» или «диван», либо слово «автора» на «переписчика» в колофоне.

Состав сборника

Рукопись состоит из двух основных частей — собрания стихотворений на афганском (пашто) языке и собрания стихотворных и прозаических сочинений на персидском языке. Каждому из них предпослано персидское предисловие. В первом из них поэт знакомит читателя с некоторыми моментами своей творческой биографии, с историей появления на свет обоих «диванов», раскрывает свое отношение к поэзии и языку литературы. Афганская часть состоит из газелей суфийского и лирического направления, относящихся к раннему периоду творчества, и более поздних рубаи, *тарджи* 'бандов и пространных касыд, наиболее интересных в источниковедческом плане, поскольку они почти все насыщены историческими и автобиографическими сведениями. Касыд восемь:

л. 58б—59б, 20а, б, 47аб — о Надир-шахе Афшаре и Ахмад-шахе Абдали;

л. 29аб — о притеснениях со стороны наместника в Кашмире Каримдада и его приближенных (нет конца);

л. 31б—35б (74 бейта) — мысленное (суфийское) путешествие по стране паштунов;

л. 48а—49б — элегия на смерть Хушхал-хана Хаттака «Шахида» *;

л. 51б—53а — о деспотизме, тирании;

л. 53б—56б — о красоте возлюбленной (или возлюбленного) и переживаниях влюбленного;

л. 57а—58б — о *сардаре* Мурад-хане;

л. 62а—69б (149 бейтов) — автобиографическая, о событиях в Кашмире.

Персидская часть «Гулшан-и афган» 'Али-Акбара имеет следующий состав:

л. 78б—81б — предисловие;

л. 82а—88а — *тарджи* 'банд: обращение с молитвой к Шах-Накшбанду;

л. 89б — «Насаб-нама»: родословная Шах-Накшбанда, возводимая к имаму 'Али;

л. 92а — «Нашруху»: касыда, прославляющая Баха ад-дина Накшбанда;

* Имеется в виду праправнук известного паштунского поэта-классика Хушхал-хана Хаттака (1613—1689) (см. след. раздел).

- л. 94а—96б и 97б—98а — шесть газелей суфийского содержания;
- л. 98б — рубаи, сочиненное Баха ад-дином;
- л. 99б — газель неизвестного автора, вписанная позднее небрежным почерком;
- л. 100б — два рубаи, одно из которых сочинено на основе афганского рубаи Абд ал-Кадира Хаттака (*тазмин*);
- л. 101б — *маснави* «Илахи-нама»;
- л. 105б — *маснави* «Повесть о вазире, у которого не было сыновей, но в конце концов родились сразу сорок»;
- л. 112а — *маснави* «Рассказ о приеме у возлюбленной»;
- л. 114а — о стоянке шаха в Кандагаре;
- л. 114б — «О путешествии из Наушери, которое было хуже адского»;
- л. 116а — о смерти Сулаймана, одного из сыновей автора;
- л. 117б — «В назидание кичливым хвастунам и дуракам»;
- л. 122а — «О Йусуфе, жителе деревни (название стерто) в Пешаварской области, известном своей скупостью»;
- л. 123а — о скупце;
- л. 124а — о вице-губернаторе Пешавара Нишан-хане;
- л. 125а — о человеке, который нарушал обещания, притеснял подданных (т. е. о Каримдаде, см. ниже);
- л. 125б — о Хабибе, жителе Дакхи;
- л. 127а — о храбрости кичливого;
- л. 129а — «Одна из тех газелей, которые *рафизиты* включили в диван Ахмад-и Джама ради его опорочения»;
- л. 131а — поношение язычников — безбожников-*рафизитов*; (текст в конце л. 131б и на л. 132 вписан позднее, а начиная с л. 132б — более тонким *каلامом*);
- л. 132б — сочиненная по окончании суфийского радения газель, первый бейт которой был ниспослан «тайным вдохновителем»;
- л. 133а — газели суфийского и лирического содержания;
- л. 138а — наставление *устада* Мир-шаха Му‘аззама автору (в прозе, с 4 бейтами из Саади);
- л. 138б — ответ *устаду* (в прозе);
- л. 139б — пародия на описание сражений в исторических хрониках (в прозе);
- л. 145б — вступление к письму Рустаму Гуджару Банучи (в прозе со стихотворными вставками);
- л. 146б — дополнение *-та ‘ликча* (киноварью)

- л. 148б — *мухаммасы* на газели Хафиза;
- л. 153б (после *'унвана*) — газели с рифмой, оканчивающейся *алифом* (прославление Аллаха и Мухаммада); после л. 158 лакуна;
- л. 161а — газели с рифмой, оканчивающейся буквой *b*;
- л. 161б — восхваление Баха ад-дина Накшбанда (тем же четким *наста'ликом*, но несколько небрежно, наискось, с пересечением рамок);
- л. 164а — стихотворение, в котором автор обращается к Шах-Накшбанду с просьбой о заступничестве; написано снизу вверх, с двумя поправками, сделанными автором, иллюстрировано миниатюрой, изображающей Шах-Накшбанда, который защищает поэта от врагов;
- л. 165а — газели, преимущественно с одним и тем же техническим приемом (*сан'ат*) поэтики, состоящим в том, что все бейты газели начинаются с одной и той же буквы; это поясняется приписками на полях. На л. 174б еще одна газель на тему защиты от врагов;
- л. 184а — акrostих с начальными буквами бейтов *' b d a l r h, ī m* (они образуют имя духовного наставника поэта *'Абд ар-Рахима*);
- л. 187а — газель *'Али-Акбара*, вписанная позднее другим пером, бледной тушью, наискось;
- л. 188б — газель; автор поясняет, что вторая *мисра'* газели продиктована *'Абд ар-Рахимом*;
- л. 189б — продолжение газелей с *сан'атом*;
- л. 192а — *мухаммас*, небрежно вписанный позднее, его начало имеется также на л. 172б;
- л. 193а — рассказ из «Гулистана», его начало: *s, āh, ibdil-ī-rā pursīdand...*;
- л. 193б — бейт по диагонали: *ḫaḫīyūa-rā nām-i naqšbandiyya šud * pīš raft az ḥama-i t, uruq ba qadam*;
- л. 194б — заготовка для акrostиха на полях между рамками, снизу вверх (см. выше).

На л. 195—212 помещены миниатюры и рисунки тушью, большая часть которых иллюстрирует стихотворения сборника, а на обороте некоторых миниатюр даны пояснения к изображенному на них.

**К биографии 'Али-Акбара Оракзая. Литература, су-
физм, политика и война в его жизни**

Из персидского предисловия 'Али-Акбара к стихотворениям на пашто явствует, что газели созданы в ранний период его творчества. Поэт рассказывает читателю о том, как он «в юном возрасте, в детские годы, когда натура его, подобно ладони нищего, была лишена звонких монет поэтической науки и сокровищница его груди еще не наполнилась динарами содержания и смысла, по велению султана желания зачернил несколько страниц набросками газелей на афганском языке... И они были сочинены и переписаны на разрозненных листах» (л. 16а). Позднее, после знакомства со стихами известных поэтов и изучения поэтики, Акбару его ранние стихи показались «никчемными и заслуживающими уничтожения», и он стал их стыдиться, не хотел собирать их воедино и редактировать, а намеревался выбросить, но все же в последнюю минуту, повинувшись голосу разума, сохранил их, надеясь, что найдутся люди, которым эти стихи доставят удовольствие (л. 17а). Решая сохранить для современников и потомков «наброски газелей на афганском языке, которым предки пользовались как разговорным», надеясь на то, что сборник его стихов поможет обучению тех, для кого афганский язык не родной, автор полагает, что даже «никогда не слышавший афганских стихов, прочтя диван, в короткое время превзойдет носителей этого языка» и увядшая память не знакомых с пашто при созерцании такого «букета ярких словесных цветов и сладких плодов значений... обретет свежесть и сочность» (л. 18а). Однако такую роль в изучении и развитии литературного пашто Акбар отводил лишь лучшим своим произведениям, о которых он пишет, что «с помощью ныряльщика мысли вынес их подобно жемчугу из пучины моря природы на берег письмен». Прочие же он сравнивает с «обломками пустых раковин, достойными детей, но не ученых старцев, подходящими для безумцев, а не для разумных властелинов слова». Он сознает, что самому ему трудно увидеть слабость и несовершенство своих творений, и, вспомнив арабскую пословицу «Хотя дитя имеет недостатки, в глазах отца оно их лишено», уповаает на то, что «справедливые читатели при виде их не наморщат лоб, не нахмурят брови и не поднимут палец возражения против слов уместных и неуместных, а, если представится случай, не пренебрегут исправлением» (л. 17б). Даже неко-

торые более поздние персидские стихи Акбар называет «бессодержательными и нестройными» и тоже просит читателей «отринуть иронию и предвзятость и всюду и везде провести пером исправления» (л. 80а).

К поздним произведениям принадлежат также рубаи и *тарджи* 'банды на пашто. Приблизительно в то же время, что и многие персидские стихи и проза, были сложены афганские касыды: как можно заключить из их содержания, они относятся к концу семидесятых и к восьмидесятым годам восемнадцатого века.

Акбар утверждал, что одного владения языком недостаточно для поэта, ибо язык для поэзии лишь материал, и необходимо знание поэтики. Он жил, как мы увидим ниже, в годы правления первых шахов династии Дуррани, в период расцвета в культурной жизни афганских княжеств. Ахмад-шах и Тимур-шах сами писали стихи, причем первый из них оставил большой диван на пашто, поныне пользующийся известностью и любовью у афганцев. При дворе знали, понимали, любили поэзию, строго относились к литературному творчеству, и поэтому вполне понятны и заявление Акбара, состоявшего на службе у дурранийских наместников, о том, будто «мнению мудрых мира сего очевидно, что сочинительство, писательское занятие — дело серьезное и почетное», и его страх перед тем, что «бедный автор за малейшую погрешность, — подобно тому, как говорят арабы: кто сочинил — уже стал мишенью, — может стать целью для стрел упреков предшественников и потомков, особенно такой автор, который никогда не отправлялся в путь по этой трудной стране искусства, не заимствовал опыта у поэтов, в общении с ними не выскабливал со страниц памяти слов незнания и невежественности, не шел от стихов беспорядочных к размеренным» (л. 15б—16а). Он славословил Бога за то, что тот «хартию бытия человека украсил тугрою „поэты — ученики милосердного“» и «степень поэтов возвысил почетным изречением „воистину, от стихов мудрость“» (л. 14б—15а). Будучи уверен, что без овладения мастерством невозможно достичь высот в поэзии — и следовательно, при дворе тоже, если не искать других путей, — 'Али-Акбар уже в молодости, желая писать и по-персидски (то был язык двора при Тимур-шахе, а также канцелярий и двора наместников в индийских владениях), принялся усердно изучать поэтику, по-видимому, у персоязычных поэтов и *адибов*. По его словам, он потратил на это много усилий, за что был вознагражден:

его персидские стихи превосходят афганские как языковой выразительностью, так и строгостью форм и метра — качествами, которые присущи только его поздним афганским газелям. Поэт был начитан в классической афганской и персидской литературе. Он написал рубаи на дари в подражание четверостишиям ‘Абд ал-Кадира Хаттака, многие его газели напоминают стихи афганского классика ‘Абд ар-Рахмана Моманда, одну из касыд он посвятил памяти Хушхал-хана «Шахида». Из персоязычных поэтов он знал Саади, Хафиза, Джами, их имена встречаются в его сочинениях; есть газель, написанная на бейт одной из газелей Файза (л. 188б), приведен текст газели из дивана Ахмад-и Джама (л. 129а—130а). В конце книги, после листов с миниатюрами, помещены пятьдесят пять записанных им персидских анекдотов, как правило, хорошо известных на Востоке.

Списков сочинений ‘Али-Акбара Оракзая нет больше в рукописных фондах мира, за исключением, вероятно, большой антологии стихов на афганском и персидском языках «Маджма‘ ал-аш‘ар», хранящейся в Государственной библиотеке в Берлине; в этой рукописи XVIII в. есть одна афганская и одиннадцать персидских его газелей, одна газель на пашто Касим-хана Оракзая, возможно, отца поэта, и стихи еще нескольких поэтов из племени оракзи [Pelevin. С. 352—355]). До того как представляемая здесь рукопись поступила в Матенадаран, творчество ‘Али-Акбара Оракзая оставалось неизвестным. ‘Абдаллах Хидматгар Бахтанай отмечал, что он прежде «не встречал имени поэта и ничего не знал о его жизни и произведениях», а Сиддикулла Риштин после первого сообщения о рукописи утверждал, что «до настоящего времени не был известен поэт по имени ‘Али-Акбар» [Бахтанай I; Паштан—шу‘ара. Т. IV. С. 987]. Историки афганской литературы действительно не располагали никакими другими источниками, которые содержали бы сведения об ‘Али-Акбаре Оракзае, но в сочинении афганского историка ‘Азиз ад-дина Вакили Фуфалзай «Тимур-шах Дуррани», в списке, содержащем около 450 имен и озаглавленном «Имена великих ханов, улемов, поэтов, писателей и духовных лиц Афганистана, которые в эпоху Тимур-шаха имели племенное, национальное и литературное влияние», заключено это имя — ‘Али-Акбар-хан Оракзай — без каких-либо пояснений [Фуфалзай. С. 420]. К сожалению, историограф не указывает источник, в котором он встретил это имя, поэтому невозможно категорически утверждать,

что имеется в виду наш автор, но есть основания это предположить, так как его личность удовлетворяет характеристикам, перечисленным в заголовке упомянутого перечня. В этой же связи можно упомянуть рукописное сочинение, хранящееся в Азиатском обществе Бенгалии, автором которого в каталоге собрания назван ‘Али-Акбар Вахби (?). В аннотации говорится, что он был, «очевидно, последователем ордена чишти, писавшим близко к концу XVIII века, ибо в конце (л. 15б—16) имеется несколько хронограмм с датой 1198/1784. В диване немного газелей, не в алфавитном порядке, несколько кыта, рубаи и др.». Время жизни, принадлежность к суфийскому братству, неоформленность этого небольшого дивана не исключают возможность отождествления этого поэта с ‘Али-Акбаром Оракзаем, поскольку элемент «Вахби» приведен со знаком вопроса [Ivanow. N 301].

Таким образом, лишь обращение к самим произведениям ‘Али-Акбара, достаточно богатым автобиографическим материалом, позволяет выявить некоторые факты его жизни, получить представление о таких сторонах его деятельности, как военная и административная служба, активное участие в суфийском братстве, а также о его интересах и взглядах, о круге его общения. При этом сведения, которые можно почерпнуть из его сочинений, почти не сопровождаются точными датами и фактами, необходимыми для воспроизведения полной и точной биографии, однако сопоставление приведенных им сведений с известными историческими фактами обеспечивает получение некоторых дополнительных результатов: уточнений, деталей и др.

Весь такой материал, рассеянный по разным местам сборников и миниатюр, по содержанию может быть разделен на тематические группы: жизненные вехи, литературные занятия, административная и военная служба, деятельность в суфийском братстве.

Полное имя автора, названное им самим в предисловиях к афганскому и персидскому собраниям стихов, — ‘Али-Акбар ибн Касим-хан Оракзай. Там же поэт сообщает, что он «по происхождению афганец, житель хайберской части Тираха». Один из элементов имени — Акбар — он избрал *тахаллусом*, который употреблен во всех газелях, кроме *макта* ‘одной из них, где использована форма ‘Али-Акбар-хан.

Все восемь афганских касыд не только автобиографичны, но весьма любопытны еще и тем, что в них излагаются, хотя и отрыв-

вочно и тенденциозно, современные автору события, характеризуются исторические личности, называются населенные пункты, которые посетил поэт, и другие географические детерминанты. Уже первая из касыд содержит сведения, позволяющие определить приблизительное время рождения 'Али-Акбара. Расположенная на перебитых листах 586—596, 20а, б, 47а, б касыда начинается с рассуждений о превратностях рока и капризах небес, которые низвергают с трона шахов и возвышают нищих, разоряют богачей и осыпают золотом бедняков, воздвигают города на месте руин и уничтожают цветущие оазисы. Такое начало органично переходит в последующий рассказ об удивительной судьбе Надир-шаха, сына пастуха, — от его возвышения и создания им обширной империи в результате завоевательных походов до гибели от рук приближенных (ср.: [Lockhart. С. 17—20, 260—262]). Поэт старается прежде всего выразить свое отношение к власти, основанной на притеснении, геноциде на захваченных территориях, грабежах, показать неверность купленных на золото друзей и слуг, но самое ценное в этой касыде то, что автор включил в нее бейты с указанием на время своего рождения: «Когда я пришел в этот мир, из небытия в явь, царствование Надир-шаха было в мире» (л. 596). Отсюда можно заключить, что Акбар появился на свет между 1736 и 1747 гг. Вероятнее всего, рождение автора приходится на начало этого промежутка времени, поскольку, во-первых, в одной своей касыде-элегии на смерть афганского поэта Хушхала «Шахида», погибшего в 1753/54 г., он упоминает о встречах с этим поэтом, и, во-вторых, около 1765 г. Акбар уже служил при дворе наместника Ахмад-шаха в Кашмире.

По стихам поэта определяются несколько периодов в военно-административной службе в восточных областях империи Дуррани. В молодом возрасте он провел несколько лет в Кашмире, когда наместником там был Нур ад-дин Попалзай (назначен Ахмад-шахом в 1762 г.). В те годы Акбар, по его словам, встречался с многими известными людьми, приобщился к суфизму и избрал себе духовного наставника. Уехав из Кашмира, видимо, не по своей воле, поэт неустанно стремился туда возвратиться, более всего ради общения со своим учителем, и сумел это сделать благодаря посредничеству высокопоставленного лица по имени Султан-Махмуд. Это произошло около 1774 г., когда кашмирский наместник Амир-хан Джаваншер выступил против центральной власти. Военный отряд, возглавляемый 'Али-Акбаром, присоединился к

войску Хаджжи Каримдад-хана и направился в Камрадж, но первая попытка подавить мятеж не увенчалась успехом. Акбар вскоре смог получить поддержку со стороны жителей Кохистана, был предпринят новый военный поход, и после упорных сражений в Камрадже и Пакхли Амир-хан был пленен в 1190/1776 г. Каримдад был назначен наместником (эта дата, названная поэтом, и описанные им изложенные выше события совпадают с известными историческими фактами) [Фуфалзаи. С. 642]. В последующие годы под влиянием клеветы и интриг Акбару вновь пришлось покинуть Кашмир. Он долгое время бедствовал, скитаясь в восточных пределах империи, но впоследствии ему довелось снова в течение восьми месяцев служить под началом Каримдада.

Круг лиц, имена которых встречаются в произведениях 'Али-Акбара, достаточно широк.

Из стихов известно, что его отца звали Касим-хан, в рукописи упоминаются и четверо сыновей Акбара. Один из них ушел из жизни молодым, и этому событию посвящено стихотворение, озаглавленное «Рассказ о кончине любимого сына Сулаймана и кончине Илйаса, написанный в состоянии безнадежного горя и отчаяния»: автор получил известие о том, что «ушел из цветника времени Сулайман и вместе с ним Илйас», и сокрушается: «Стыдно мне, что после того письма от моего пишущего кровью писца я не расстался со сладкой жизнью... С чем сравнить это отчаяние: Сулайман ушел, а я живу с дивами». По меньшей мере на трех миниатюрах со сценами встреч с суфийским наставником изображены три других сына 'Али-Акбара, и на самих рисунках возле их фигур надписаны имена: «сыновья Аскар, Йахйа, Бакр».

Среди действующих лиц сочинений Акбара, кроме Надир-шаа, — государи, наместники и другие государственные деятели и представители администрации. Небольшой фрагмент, который, вероятно, мыслится как часть той же касыды об изменчивости судьбы, повествует об Ахмад-шахе и его сыне Тимуре (л. 47а, б). Их имена не названы в стихотворении, но упомянутые в нем походы падишаха в Индию, женитьба наследника на могольской принцессе и то обстоятельство, что написано оно при жизни действующего в нем падишаха, убеждают в том, что именно эти представители династии Дуррани являются персонажами касыды (как известно, Надир-шах совершил лишь один поход в Индию, тогда как Ахмад-шах восемь раз вторгнулся в пределы страны; Надир не продвигался южнее Дели, а Ахмад занял всю область Агра, о чем говорится и в

касыде: «подверг нападению всю Индию до зийарата Акбар-шаха»; Тимур был женат на дочери 'Аламгира II Мухаммад-бегум, известной также как Зухра-бегум и Гаухарафраз, хотя и сын Надира Насраллах взял в жены могольскую принцессу, дочь Йазданбахша, праправнучку Аурангзеба [Ганковский. С. 25; Губар. С. 319; Lockhart. С. 151].

'Али-Акбар хорошо знал правителей некоторых областей империи, особенно наместников в Кашмире. По его собственным словам в одной из касыд (62а—69б), лучшими годами его жизни было время пребывания там при наместнике Нур ад-дине: «Несколько лет я прожил в Кашмире, когда хакимом здесь был Нур ад-дин. Судьбою даны мне были в удел свидания с большими людьми. Во встречах с наставником-пиром мне истину Бог даровал». Происходило это в правление Ахмад-шаха. После завоевания провинции его войсками под предводительством 'Азуд ад-даула 'Абдаллах-хана («Большого») и капитуляции могольского наместника *навваба* 'Инайаталлах-хана в 1752 г. губернатором Кашмира был назначен Хаджжи Кучик 'Абдаллах («Маленький»). Спустя десять лет власть в Кашмире захватил главный финансовый чиновник индеец Секедживан, восстановивший власть Моголов и назначенный ими наместником. В 1762 г. Ахмад-шах направил туда отряд афганских войск под командованием *сардара* Нур ад-дина Бамизая Попалзая Муслих ад-даула, который пленил Секедживана, остался в Кашмире для наведения порядка и вскоре стал правителем провинции, одновременно обладая и финансовыми полномочиями. По-видимому, 'Али-Акбар служил в Кашмире до того времени, когда Нур ад-дина на посту наместника сменил Биландхан Попалзай [Фуфалзай. С. 253; Ганковский. С. 28; Губар. С. 317, 367, 368] (тем же указом, по которому Абдаллах «Маленький» был определен губернатором — *низам*, или *наиб ал-хукама* — Кашмира, правителем — *хакимом* — Шалимара был назначен некто Касимхан; напомним, что так звали отца 'Али-Акбара [Ганковский. С. 253; Тарих-и султани. С. 145]).

В той же касыде рассказывается еще о двух, уже упоминавшихся здесь, кашмирских наместниках, с которыми судьба свела поэта. Амир-хан по прозвищу Джаваншер правил в Кашмире в начале царствования Тимур-шаха. Около 1774 г. он поднял мятеж против центральной власти и сумел оказать серьезное сопротивление посланным против него войскам. Акбар в деталях описывает

разыгравшееся сражение и неудачу в первом походе, а затем разгром, бегство и пленение Амира в 1776 г. Рассказ, облеченный в художественную поэтическую форму, совпадает с тем, что сообщают об этих событиях афганский историограф Хусайн-‘Али и англичанин Дж. Форстер — современники ‘Али-Акбара [Хусайн Али. С. 44, 45; Forster. Vol. II. С. 14]. Во главе войска, сражавшегося против мятежного наместника, стоял Хаджжи Каримдад-хан Попалзай, сын Мухаммада Кухандил-хана, племянник Шах-Вали-хана, *вазира* Ахмад-шаха. *Сардар* Каримдад имел сан и должность *‘арзбеги*, введенные Ахмад-шахом и присваивавшиеся в империи Дуррани только представителям рода попалзаев. Этот сан одновременно подразумевал воинское звание, равное *наибсалару*, и был более почетным, чем сан наместника. В обязанности *‘арзбеги* входила передача шаху заявлений ханов, эмиров, *хакимов* и его ответов заявителям. Каримдад с осени 1759 до мая 1761 г. был правителем Лахора, а в 1776 г. Тимур-шах за заслуги в подавлении мятежа Амира пожаловал ему пост *субадара* Кашмира.

Поначалу Акбар, воевавший вместе с Каримдадом и служивший у него, питал к наместнику симпатии, но затем положение решительно изменилось. Во многих более поздних стихотворениях поэт обвиняет Каримдада в жестокости, несправедливости даже по отношению к близким ему людям, в частности к самому Акбару (есть приписка на полях: «Каримдад из афганского племени дуррани питал к сему ‘презренному’ личную неприязнь»). Можно предположить, что автор сам восстанавливал против себя окружающих резкими сатирическими произведениями, в которых его нападки на некоторых лиц порой звучат грубо, и это особенно проявляется в персидском диване, где немало брани в адрес ненавистных автору людей. Однако скорее всего подобные сочинения были лишь следствием отношения к нему царедворцев, недовольных успехами талантливого оракзайского парвеню. Во времена Тимур-шаха, как можно заключить из стихов, при дворе правителя и наместников царила атмосфера интриг, погони за наживой, обмана и жестокости, чего не было в такой степени при Ахмад-шахе. В шестой касыде, например (л. 51б—53а), Акбар рисует картину бедствий и смут, которые обрушились на мир: всюду тирания и притеснения, сердца ожесточились, исчезли справедливость и стыд, алчность возвысилась над всеми чувствами, дети не повинуются родителям, а те забыли о любви к детям, эгоизм разъединил их.

«Почему мир стал таким, словно наступает его последний день?» — вопрошает поэт и тут же дает портрет деспота, «который принимает облик муллы с несправедливыми четками в руках, скрывает пороки за зеленой чалмой, прячет за пазухой меч, сохраняя святость на челе». «Кто же покончит с этим морем крови? — задает вопрос Акбар и добавляет: — Я, Акбар, дал обет сторониться этих людей». Он не называет имени деспота: им могли быть Каримдад или его сын Азад-хан, сменивший отца на посту наместника и превосходивший его в жестокости и необузданном произволе (интересно упоминание Тимура и Каримдада в путевых записках Филиппа Ефремова: «Кашемир же под владением Овгана Темурши. Сей хан Темурша жительство имеет в городе Кабуле, расстоянием от Кашемира 7 дней езды, а в Кашемире датха, то есть начальник, именуемый Карым Дат»). Всего в течение периода жизни Акбара, который был связан с Кашмиром, в этой провинции сменились девять наместников, официально назначенных и самозванных: Хаджжи Кучик 'Абдаллах, Секедживан, Нур ад-дин Муслих ад-даула, Биланд-хан, Са'адатйар, Амир(-Мухаммад), Мухаммад Заман, Хаджжи Каримдад, Азад-хан [Фуфалзаи. С. 254; Ганковский. С. 26, 27, 77, 79; Губар. С. 209; Ефремов. С. 169; Тарих-и султани. С. 139, 157; Forster. С. 254].

В той же большой автобиографической касыде упоминаются имена Султан-Махмуд и Махмуд-Султан. По протекции Султан-Махмуда Акбару удалось вернуться в Кашмир после изгнания и принять участие в описанной выше военной операции против Амир-хана. Можно полагать, что то был второй сын Тимур-шаха, заступивший в те годы на наместничество в Герате (1772—1793), а в последующем владевший афганским престолом (1801—1803, 1809—1818). Махмуд-Султан появляется при описании второго похода, им мог быть придворный, занимавший одно время должность *хакима* Музаффабада, области и города на границе Хазарá и Кашмира [Фуфалзаи. С. 628; Массон, Ромодин. С. 143—147, 181].

Говоря о первом периоде своих взаимоотношений с Каримдадом, относящемся ко времени правления Ахмад-шаха, автор уделяет внимание дяде Каримдада Шах-Вали-хану, с которым Акбар, очевидно, был знаком. Беги-хан Шах-Вали-хан Бамизай Попалзай, талантливый полководец и государственный деятель, был первым *вазиром* шаха и главнокомандующим. После смерти шаха он поддерживал в борьбе за престол принца Сулаймана, своего зятя, и в

1186/1773 г. был казнен пришедшим к власти Тимур-шахом. Родство с Каримдадом исключает идентификацию с *сардаром* Шах-Вали-ханом сыном Фатх-хана из юсуфзайского рода камалзи, который около 1780 г. был в числе приближенных Тимур-шаха [Ганковский. С. 25, 39, 43; Массон, Ромодин. С. 140; Тарих-и султани. С. 149, 150, 154, 155].

В короткой касыде (57а—58б) ‘Али-Акбар с особенной симпатией рисует привлекательный образ *сардара* Мурад-хана, которого поэт хорошо знал, и обличает лесть, подхалимство и лицемерие его приближенных, пытавшихся опорочить и обокрасть этого, по словам Акбара, прямого и доверчивого человека. *Сардар* (Мухаммад?) Мурад-хан сын Ханзала-хана из попалзайского рода каландарзи долгое время участвовал в политической жизни и военных кампаниях. В 1757 или 1758 г. был назначен *хакимом* Дуабы в Пенджабе после перехода прежнего правителя Адина-бега на сторону сикхов, сражался против них и вместе с главнокомандующим Джахан-ханом защищал Лахор, где в то время находился наместник Пенджаба 13-летний принц Тимур. Спустя десять лет Мурад-хан был определен на должность главного уполномоченного по строительству «благороднейшего из городов империи» (то есть главным архитектором Кандагара), а позднее занимался планированием и застройкой Кабула; им построены пятничные мечети в Кандагаре и Кабуле, один из районов Кабула назван в его честь Мурадхани. За заслуги Мурад-хану были пожалованы земли в Кандагаре, Кабуле, Кохдамане, Газни, Герате. В 1773 г. он способствовал улаживанию конфликта нового шаха с *сардарами* и дурранийскими ханами и победе Тимура. Историографы, как и Акбар, писали о мягком характере, миролюбии, доброте, благородстве и честности Мурад-хана, а также его брата Мухаммад-Шариф-хана и сыновей [Фуфалзаи. С. 98, 99, 657; Ганковский. С. 86; Тарих-и султани. С. 156].

‘Али-Акбар знал и некоего *сардара* Сарафраз-хана, о достоинствах души и благородной внешности которого он пишет. Вероятнее всего, речь идет о Сарафраз-хане Попалзае, сыне *сардара* ‘Абдаллах-хана, назначенного в 1757 г. по приказу малолетнего Тимура заместителем *хакима* провинции Дуабá (то есть Мурад-хана) [Тарих-и султани. С. 133, 151].

В числе административных деятелей, с которыми Акбара сводила служба или необходимость решения хозяйственных и иных

проблем, были и многие другие лица. Так, в бытность свою в Пешаваре он был вынужден разрешать конфликтные ситуации с *хакимом* Пешавара Мир-Хазаром. По уверению автора, губернатор относился к нему с антипатией, чем старались пользоваться родственники губернатора, чтобы вымогать у ‘Али-Акбара долю его жалованья. Мир-Хазар был одно время *хакимом* Кашмира. Когда Каримдад стал наместником Кашмира, то есть около 1776 г., некий Мир-Хазар Алкозай, быть может, этот же недруг Акбара, был послан улаживать дела в Балхе. К конфликту поэта с губернатором и его разрешению были по-разному причастны вице-губернатор Пешавара и одновременно правитель области Баграм Нишан-хан и начальник канцелярии губернатора Пешавара Мирза Джафар (или Джафар-Мирза) [‘Али-Кули-Мирза. С. 157; Тарих-и султани. С. 133, 151].

‘Али-Акбар не только хорошо знал произведения многих персоязычных поэтов и своих предшественников в афганской литературе, но и был лично знаком с современными ему авторами. В «Гулшан-и афган» есть написанная на смерть поэта Хушхал-хана Хаттака (48а—49б) элегия, содержащая весьма высокую оценку его творчества. Из текста *марсийа* явствует, что оно написано вскоре после смерти этого поэта и что Акбар был его современником. Поэтому очевидно, что элегия посвящена малоизвестному теперь поэту Хушхал-хану Хаттаку «Шахиду», сыну Са‘даллаха, внуку Афзал-хана, праправнуку знаменитого Хушхал-хана. Нет никаких сведений о наличии его дивана, лишь несколько газелей сохранились в *байазах*. Он занимался также государственными делами, указом Ахмад-шаха был назначен *хакимом* хаттакского княжества Тери в Кохате, имеются сведения о его пребывании на посту губернатора Пешавара. Хушхал «Шахид» принял участие в сражении против маратхов, когда их армия вышла к Аттоку, и погиб в бою под Хасан-Абдалом в 1166/1753—1754 г. По имеющимся в литературе данным, он родился около 1690 г., но известный хаттакский поэт Казим-хан Шайда в хронограмме на его смерть написал, что он погиб в молодые годы; это более вероятно, и в таком случае дату его рождения следует перенести на более позднее время. Акбар встречался с ним будучи подростком [Хайат-хан. С. 324; Хевадмал I. С. 162].

Некий Сахиб Му‘аззам-шах, о котором уважительно отзывается в своих стихах Акбар (л. 35а), — возможно, Пир-Му‘аззам-шах, живший в пешаварском селении Сибак (Пир-Сибак), автор исто-

рического сочинения «Тарих-и Хафиз-Рахмат-хани» (1181/1767—1768), подготовленного по заказу Хафиз-Рахмат-хана сокращенного изложения труда «Таварих-и афагина» (обе работы на пашто) [Хевадмал I. С. 98].

‘Али-Акбар был суфием, немалая часть его произведений носит отчетливый суфийский характер, особенно газели — и на пашто, и на персидском языке. Некоторые более крупные произведения содержат прямое указание на то, что автор принадлежал к суфийскому братству *накибандийа*: так, персидский сборник открывается большим *тарджи ‘бандом* (82а—88а), посвященным основателю братства шейху Баха ад-дину и озаглавленным «Шах-и шахан», в связи с чем так назван и весь этот второй сборник. На эту же тему написана касыда «Нашруху» (см. выше), а *маснави* «Насаб-нама-и шах-и шахан» представляет собой генеалогию Накшбанда, возводимую к халифу ‘Али.

В одной из газелей Акбар обращается к Богу и «святому», т. е. Накшбанду, с просьбой защитить его от врагов. Эта газель, как и *маснави*, помещенные, соответственно, на л. 174б—175а и 89б—91б, иллюстрированы миниатюрами на л. 201б и 202б. Кроме того, целая страница второго предисловия занята перечислением титулов и пышных эпитетов основоположника «цепи» *накибанди*. Одна из миниатюр отражает сон Акбара, в котором ему привиделось, будто он встречает Шах-Накшбанда, едущего верхом во главе вооруженного отряда (пояснение Акбара кратко изложено на обороте).

Из предисловия к персидской части рукописи читателю становится известно имя духовного наставника поэта: им был «совершенный пир с всеведущим сердцем, путеводитель знающих и заблудших, разрешитель дел правых и неправых хазрат хаджа Шах ‘Абд ар-Рахим, известный как Шах-Каман» (л. 81а). Духовный руководитель автора был заместителем (*халифа*) главы братства: «Совершенный пир... Шах ‘Абд ар-Рахим... в это время своей благородной сутью расстелил коврик халифства цепи *накибанди* и является повелителем ищущих и познающих». Печать *пира* была оттиснута на черновике стихов Акбара.

Поэт часто виделся со своим *муришдом*, он пишет об этих встречах, на некоторых миниатюрах (напр., на л. 205б, 210б) они оба изображены вместе, причем Шах ‘Абд ар-Рахим обозначен на рисунке словами «*jināb-i h. aẓrat*». Имеется газель (л. 184а—185б), представляющая собой акrostих, в котором начальные буквы бей-

тов образуют имя *пира* ‘Али-Акбара, что автор поясняет на странице, предшествующей этому стихотворению. Миниатюры передают сцены радений, на которых случалось присутствовать и сыновьям Акбара — ‘Аскару, Йахйе, Бакру (л. 210, 212б).

Знакомство с ‘Абд ар-Рахимом относится ко времени первого периода службы Акбара в Кашмире, к шестидесятым годам. Общение с духовным наставником, деятельность в суфийской общине, участие в радениях, чтение богословских сочинений занимали большое место в жизни поэта. К кругу близких ему людей принадлежали многие суфии, которые, по преимуществу, были членами братства *накибанди* и, большей частью, из рода *миана* ‘Умара Цамкани. К этому весьма почитаемому и известному в то время шейху, который был *пиром* самого падишаха, и к двум его сыновьям *миану* Мухаммади и ‘Убайдаллаху Акбар относился с особым пиететом. В своих произведениях он не раз называет имя *миа-сахиба* ‘Умара, мечтает о встрече с ним в своем мысленном путешествии по родным местам как о величайшем благе, ради достижения которого он готов на любые жертвы.

‘Умар Цамкани действительно был чрезвычайно авторитетным суфийским руководителем, широко известным во всей империи, автором сочинений по суфизму на пашто и дари, в том числе переводов с арабского, и стихов на всех этих языках. Родился Мухаммад-‘Умар Цамкани (Чамкани), известный также как *миа* ‘Умар Цамкани, *миа* ‘Умар-сахиб Чамкани, шейх ‘Умар Чамкани, Мухаммад-‘Умар Пишавари и др., в Фаридабаде (Индия), по разным источникам, в 1080, или 1082, или 1084 г. х. (соответственно, 1670, 1672, 1674). Его отец Ибрахим из рода мусази (или махмудзи, мухаммадзи) ветви тарклани жил и умер в Фаридабаде, он и более далекие предки ‘Умара родом из Баджаура (дед Кала-хан, прадеды Факир-хан, Адам-хан, Ахмад-хан, Йусуф-хан, Аймал-хан, основоположник аймалхеля) принадлежали к суфийским братствам *кадири* и *чишти*. Мать была уроженкой селения Цамкани под Пешаваром, куда в детстве переехал ‘Умар. В 1105 / 1693/94 г. он вступил в *тарикат муджаддади накшбанди*, позднее возглавил пешаварское братство. У него было семнадцать с половиной тысяч *муридов*, три *халифы*: Мухаммад-Йусуф, Джан-Мухаммад, Мухаммад-Акрам. В конце 1747 г. ‘Умара посетил в Цамкани прибывший с войском в Пешавар Ахмад-шах, получил от него молитву и стал его *муридом*. Шах пожаловал ‘Умару много земель для *лангара* (пристанища и

места радений) в Мардане, Гархикапуре, Гархидаулатзи, Исмаилзи, в *майре* Качури Пешавара. *Муридами* ‘Умара были также влиятельнейшие люди страны: Ашраф ал-вузара Шах Вали-хан Бамизай, Муслих ад-даула Нур ад-дин Бамизай, *диванбеги* Вакил ад-даула ‘Абдаллах-хан Попалзай, (ум. 1787), *сардар* Джахан-хан Попалзай (ум. 1777), *хаким* Пешавара Нур-Мухаммад-хан Хугиани. Перечисление этих имен, уже упоминавшихся в контексте событий жизни ‘Али-Акбара, убеждает в том, что именно через суфийское братство он смог установить достаточно близкие отношения со многими дурранийскими вельможами.

‘Умар Цамкани скончался в августе 1776 г., в стихах Казим-хана Шайда (*мутафаррикат*) есть хронограмма с датой смерти.

Кроме стихов ‘Умара и его переписки известны несколько его трактатов: генеалогическое сочинение «Д — паштано насаб-нама» (рукопись в Британской библиотеке, издано в Хайдерабаде в 1876 г.); сокращенный стихотворный перевод на пашто арабского трактата по ханафитскому *фикху* Лутфаллаха ан-Насафи «Хуласа-и Кайдани» с помещенными перед ним родословной ‘Умара «от Адама» и цепью шейхов *накиббанди* (рукопись в медресе Рафи‘ ал-Ислам в Пешаваре, издан в Дели в 1881 г.); сочинение «Хазинат ал-асрар» на языке дари — агиография, этика, автобиография (рукописи в Пашто Толэна Академии наук Афганистана и в частном собрании в Лахоре); «ал-Ма‘али шарх ал-‘Амали», персидский комментарий к арабской религиозной касыде; «Шама‘ил-нама», поэма на пашто (рукописи в Кабульском университете, в медресе Рафи‘ ал-Ислам и в частном собрании в Пешаваре) [Паштан — шу‘ара. Т. VI. С. 977; Ришад; Хевадмал I. С. 496].

Не забыты Акбаром и два сына ‘Умара, тоже известные суфии и литераторы, с которыми Акбар встречался в селении Цамкани. Старший — Мухаммади (*миан* Мухаммади, Мухаммади Сахибзада, мулла Мухаммади ‘Азиз) родился в этом селении в 1109 (?)/1698 г. В 1211 / 1796/97 г. он построил там мечеть возле гробницы отца, рядом с которой впоследствии был похоронен и он сам, основал медресе с большой библиотекой, в которой работали известные афганские каллиграфы Вали-Мухаммад Кандахари, Гул-Мухаммад Пишавари и многие другие, готовившие рукописи, в частности по заказу Мухаммади. Он оказывал содействие работавшему там поэту Шайда. Паштунские поэты Шайда, Бедил, ‘Абд ал-‘Азиз высоко ценили творчество Мухаммади, по тонкости и

изяществу сравнивая его со стихами ‘Али-хана, Са‘ида, *миа* Акбара, даже знаменитого ‘Абд ал-Хамида. Недавно обнаруженная рукопись его дивана была издана в Пешаваре, среди его персидских стихов выделяется большой *мухаммас* (118 *бандов*-строф) «Дуруд-и Мухаммади». Им написан трактат «Макасид ал-фикх» по ханафитскому *фикху*, переведено арабское сочинение по *фикху* «Бурхан ал-усул», сложен *мухаммас* на пашто «ал-Мустагас». Младший брат *миана* Мухаммади ‘Убайдаллах (*миан* Гул, Ахмади Сахибзада), имевший *тахаллус* Гариб, жил в Баджауре, умер в 1220/1805 г. Его перу принадлежат сохраненные в рукописях арабо-персидский *мусаддас* «Шамат-ил-и набави» о деяниях Мухаммада, этическое сочинение «‘Ибрат-нама», перевод «Панд-нама» ‘Аттара, «Мунаджат», «Хафт пайкар» (собрание семи повестей, известное также под персидским и афганским названиями «Хафт кишвар» и «Ов— шпе») [Фуфалзаи. С. 211; Бахтанай II; Ришад; Саларзай. С. 81, 82; Blumhardt, Mackenzie. P. 98; Хевадмал I. С. 23, 458]. (Записи на переплете и на л. 1а — см. выше — позволяют предположить, что рукопись «Гулшан-и афган» какое-то время находилась у одного из видных суфиев XVIII в., быть может, потомка ‘Умара Цамкани.) Вскоре после смерти шейха ‘Умара, зимой 1776/77 г., в Пешаваре произошло событие, которое навлекло на Мухаммади немилость Тимур-шаха и отразилось на судьбе ‘Али-Акбара. Влиятельные афганские феодалы вождь халилов Файзаллах-хан, крупный землевладелец Асадаллах-хан, главный евнух шахского гарема Йакут-хан предприняли покушение на жизнь шаха, напав, во главе большого отряда, на пешаварский Бала-Хисар, где находился Тимур. *Чавкидары* шаха, вовремя предупрежденные женщинами из гарема, сумели отразить нападение. На Мухаммади пало подозрение в соучастии в заговоре, и шах повелел уничтожить селение Цамкани. Только заступничество *сардаров* из уважения к памяти шейха ‘Умара предотвратило разгром. В защите Бала-Хисара отличился и, возможно, решил исход сражения Амир-хан Джаваншер, находившийся в тюрьме крепости и сумевший освободиться от оков и выбраться из камеры. Тимур щедро наградил его и простил прежнюю вину. Именно после этого события Акбар вновь уехал из Кашмира: по-видимому, повлияли и его связи с шейхами Цамкани, и его роль в подавлении мятежа Амир-хана в Кашмире в 1774—1776 гг. [‘Али-Кули-Мирза. С. 153; Тарих-и султани. С. 152].

Среди религиозных деятелей, которых Акбар знал лично и почитал, он выделяет неких *миана* Йахйа, Йусуфа и муллу Са'ида (л. 326—336). Поскольку каждого из них он соотносит с определенным населенным пунктом, оказывается возможной их более или менее уверенная идентификация. Поэт хотел бы посетить в Аттоке могилу *миана* Йахйа, и поэтому можно предположить, что имеется в виду суфийский шейх Мухаммад-Йахйа Атаки (Аттоки) (1041/1631—3162 — 1131/1719), сын Пирдада. Вполне допустимо, что живший в то время в городке Сарай-Акора Йусуф — один из трех заместителей и преемников 'Умара Цамкани Мухаммад-Йусуф [Ришад; Хевадмал I. С. 461], а мулла Са'ид в Наушахре — это Мухаммад-Са'ид Базгул, племянник 'Умара, сын его младшего брата Мухаммад-Мусы. Наконец, упоминаемый в стихах 'Азим, вероятнее всего, современник Акбара, современник и почитатель Мухаммади и Ахмади поэт 'Абд ал-'Азим, суфий (*чишти*?), считавший селение Цамкани убежищем от тирании, странноприимным местом, каким видел его и 'Али-Акбар [Ришад].

Произведения Акбара включают в себе ряд других имен, но их неполная форма, обычность и отсутствие ситуационного контекста не позволяют предложить убедительное отождествление с известными лицами. Упоминаются родственники (отец, сыновья Аскар и Сулайман, не считая изображенных на миниатюрах), друзья, знакомые и другие известные поэту люди: Му'иззаллах (возможно, поэт первой половины XVIII в. Му'иззаллах Моманд или поэт Му'иззаллах Оракзай [Pelevin. С. 354]), Нураллах (мог быть Нураллах-хан, держатель *джагиров* в местностях между Дера-Исмаил-ханом и Ургуном), 'Алам-хан, Мир-Хасан, Шех-Маху, Хаджжи-Ахун (скорее всего, суфийский шейх, могила которого находится в Сарай-Акора), Ахмад-джан (вероятно, лагманский поэт эпохи Тимур-шаха шейх Ахмад-джан), в персидском сборнике зло высмеиваются враги поэта Хабиб и Рустам Гуджар Баннучи.

Итак, поступив на государственную службу, на которой, вероятно, был занят и его отец, 'Али-Акбар оказался вовлеченным не только в орбиту администрации и армии, но и в сферу активного литературного и религиозного общения. И хотя мы не располагаем фактами, непосредственно относящимися ко всем этим сторонам его биографии, одна только характеристика действовавших в этих областях лиц, которых он знал и упоминает в своих произведениях, — и, пожалуй, только она одна — дала возможность, как нам

представляется, воссоздать, пусть фрагментарно, картину его деятельности, его места в обществе.

Многостороннему вовлечению поэта в жизнь государства, как отмечалось, способствовало то обстоятельство, что он увлекся мистицизмом. Участие в суфийской организации *накишбанди*, в которую в то время входили многочисленные представители разных социальных слоев от шаха, придворных, вождей племен и кланов, военачальников, литераторов до торговцев и ремесленников, в той или иной степени обеспечивало Акбару общение с ними, и вполне вероятно, что именно благодаря этому он смог занять заметное положение в гражданской и военной администрации и влиться в культурную жизнь восточных провинций империи. Это положение, в свою очередь, определило участь автора, столь характерную для человека его занятий и связей в восточном феодальном обществе, изменчивую судьбу царедворца, с постоянным балансированием между временными успехами, фавором и поражениями, опалой, ссылкой, что было обусловлено принадлежностью или даже только близостью к противоборствующим политическим группировкам.

География жизни и деятельности 'Али-Акбара

Круг географических названий, встречающихся в произведениях Акбара, ограничен теми местностями, где поэт жил или через которые пролегал его мирный или боевой путь. Тем не менее это довольно обширный ареал от Тираха на западе до Лакхнау или даже Бихара на востоке, но при этом большая часть топонимов относится к долине нижнего течения Кабула, особенно к его правобережью. В паштунских районах много одноименных пунктов, однако то обстоятельство, что автор почти не выходит за пределы этой территории, до некоторой степени облегчает отождествление приводимой им топонимики, хотя не все удалось обнаружить и объяснить с помощью привлеченных для этой цели сочинений и географических карт: остались не идентифицированными или под сомнением несколько мелких селений и горных вершин. Названия рек и гор, областей и населенных пунктов постоянно попадают на листах рукописи, но больше всего их в касиде о воображаемом путешествии по самой длинной дороге во всех скитаниях поэта, в которую он «отправляет ветер», наставляя его посетить родные

места, друзей и родственников. (Внутренние путешествия, при которых перед мысленным взором суфия возникают реальные картины и действительно существующие люди, путешествия, подобные совершенному Акбаром в касыде, были свойственны мистикам различных *тарикатов*, в том числе *накибандийа*, и происходили во время радений. Они входили в основные правила суфийского *зикра*, сформулированные видными представителями братства *накибандийа*, и среди их авторов был и Баха ад-дин Накшбанд. Шестое из этих правил гласит: «Путешествие по родной стране (*safar dar wat, an*). Это внутреннее путешествие, движение от качеств, заслуживающих порицания, к качествам похвальным». К нему примыкает седьмое правило: «Наблюдение за шагами (*naz, ar bar qadam*). Пусть идущий мистическим путем будет бдителен во время путешествия... с тем чтобы не позволить отвлечь взгляд от цели путешествия» [Trimingham. P. 203; Хисматулин. С. 21—34]. Об этом ‘Али-Акбар постоянно в касыде предостерегает ветер, то есть самого себя: «смотри, будь внимателен», «ступай туда по своим делам, будь начеку», «иди, стремясь к своей цели», «куда направился, туда и следуй», «иди к цели».) Напутствуемый поэтом, ветер покидает Лакхнау. По-видимому, в этом городе, центре княжества Ауд, где была большая паштунская диаспора, автор находился во время написания касыды; можно предположить, что он переехал туда, будучи вынужден вторично покинуть Кашмир и двор наместника Хаджжи Каримдада. Сначала на пути — Катхер: «Улетай на родину, ветер, разузнай обо всех и каждом, откочуй из города Лакхнау, пролети над паштунами в Катхере». Катхер, который, после поселения в нем паштунов, получил также афганское название Рохилканд, примыкает с северо-запада к Ауду. В 1739 г. туда приехал паштунский племенной вождь Хафиз-Рахмат-хан, ставший в 1748 г. фактическим правителем области. Очевидно, именно эта местность, но в форме Кетр (так в русском переводе; впрочем в восточных сочинениях многие топонимы имеют разные формы, особенно когда речь идет о малоизвестных территориях: так, Катхер в «А’ин-и акбари» выступает как Кхер и Комбхир), встречается в работе Губара об Ахмад-шахе: «Здесь (в Сахаранпуре. — В. К.) были Наджиб ад-дауля, Саадулла-хан из Рохилканда, правитель Кетра. Последнего сопровождали сардары Хафиз аль-мульк Хафиз-Рахмат-хан со своим сыном Инаят-ханом, Дунди-хан и Кутб-хан» [Губар. С. 339]. Так как Хафиз-Рахмат-хан воевал и

правил в Рохилканде, очевидно, что Кетр у Губара и есть Катхер, который интересует нас, поскольку лежит на пути из Лакхнау на северо-запад. Впрочем, из известных нам источников самое четкое определение топонима дано в предисловии к словарю «‘Аджа’иб ал-лугат» Мухаммад-Илахйар-хана, одного из сыновей Хафиз-Рахмат-хана. Он сообщает, что область была владением отца, но после поражения от войск правителя Ауда Шуджа’ ал-мулка и гибели отца все члены семьи были пленены и отправлены в Лакхнау; будучи освобождены благодаря посредничеству британского резидента, они спустя три года переехали в Барейли в области Катхер. Кроме этого города Илахйар относит к Катхеру города Пилибхит и Аонла и указывает, что его южная граница проходит по Гангу. Следовательно, Катхер простирается к западу и востоку от рек Рамганга между Рампуром на севере и Шахджаханпуром на юге. Таким образом, упомянутые Акбаром «паштуны Катхера» — это афганцы Рохилканда или, точнее, его восточной части, которая «в мусульманский период долгое время называлась Катехром или Катхером» [Gazetteer. Vol. 21. P. 305; Vol. 7. P. 2]. (Это название применительно к местности и племени встречается в сочинениях XIII и XIV вв. «Табакат-и насири» и «Тарих-и фирузкухи») [Ашрафян. С. 130, 198; Barani. P. 288; Raverty. P. 755].

Воспоминания переносят поэта во многие города и деревни, где он задерживается, чтобы мысленно посетить почитаемых им людей, друзей и родственников, в мечтах и во время суфийских медитаций он минует реки, горные пики и перевалы. Оставив позади Рохилканд, ‘Али-Акбар видит себя в Пенджабе: «Остановись, приблизившись к Сирхинду, привет мой передай Му’иззаллаху». При императоре Акбар-шахе Сирхинд был одним из округов Делийской провинции и включал в себя многие города, в том числе крупные: Амбала, Лудхиана, Батинда, Малер, Самана. На западе Сирхинд примыкал к Лахору и Мультану [‘Allāmī. P. 27, 515—528, 549]. После похода Ахмад-шаха в 1752 г. здесь проходила восточная граница его владений в Пенджабе [Сарое. P. 256], а в начале 1757 г. Сирхинд вошел в империю Дуррани в качестве приданого дочери Великого могола ‘Аламгира II, ставшей женой Тимур-шаха (см. выше).

С Пенджабом в памяти автора связаны, по-видимому, многие дервишеские обители, но более всего — в Рохтасе, Хасан-Абдале и Аттоке: «В Пенджабе побродил по всем домам знакомых, стихами насладись, ступай к святым местам, в молитве там сосредоточься,

а перейдя Джелам, к Рохтасу направляйся». Река Джелам, приток Чинаба, притока Инда, и прилегающие горы представляют собой естественный рубеж, в связи с чем здесь нередко проходили границы различных владений, например Ахеменидской империи, строились укрепления. На правом берегу реки — город с тем же названием. Большая и мощная крепость Рохтас (у Акбара — Ротас) была построена по указанию Шер-шаха в 1542 г. после победы над Хумайуном, чтобы сдерживать его сторонников гакхаров, и получила то же название, что и более древняя крепость в Бихаре. Она раскинулась на невысоком скалистом холме в отрогах Соляного хребта в ущелье речки Кахан, в десяти милях к северо-западу от Джелама. Окружность крепости больше 4 км; ее стены почти десятиметровой толщины поднимаются на 10—15 м, имеют 68 башен и 12 ворот, одни из которых — ворота Сохал — замечательный образец паштунского стиля, с вычурными балконами на наружных стенах, внутри расположена маленькая деревня Рохтас [Caroe. P. 147; Gazetteer. Vol. 21. P. 332]. На современных картах это место иногда обозначено топонимом Кала, то есть «крепость».

Обращаясь к посланцу-ветру, 'Али-Акбар просит его: «Когда приблизишься к Хасан-Абдалу, путь наилучший избери, почтительно склонись перед гробницей и погуляй в саду и цветниках среди благоуханья свежих роз». В Хасан-Абдале, на вершине холма, возле большого сада, находится мраморная гробница святого, чье имя дало название селению; Хасан-Абдал — ЁСвятой Хасан& — происходил из Кандагара, где был известен как Баба Вали [Саларзай. С. 451; Darmesteter. P. 99].

Последний населенный пункт на пути через Пенджаб — город Атток: «Иди к Аттоку, поклонись там миану Йахйе». Акбар, видимо, весьма почитал этого святого: «Лети там ко дворцу высоких тайн; приблизившись примерно на фарсанг, с глубоким уважением приветствуй; спокойно, отрешившись от всего, у усыпальницы его прочти молитву». Атток (на пашто at_—к* Ёпреграда, препятствие&) — город и форт, находящиеся на левом берегу Инда чуть ниже впадения реки Кабул, на возвышении, занимающем командное положение над окружающей местностью. Крепость была основана Могольским падишахом Акбаром, который при возвращении из Кабула в Дели 21 марта 1581 г. переправился здесь через

* Для такого типа букв (t, d, r...) В. В. Кушев использует иную диакритику: š ž ř ř́ и т. д. — *Примеч. М. С. Пелевина.*

Инд и приказал воздвигнуть укрепления из камня и извести, которые защищали бы эту часть его владений от посягательств правителя Кабула Хаким-Мирзы, брата Акбар-шаха. Строительство было завершено в 1586 г. Первоначально город назывался Банарас, затем Атэк-Банарас. Принадлежавшая позднее афганцам, крепость препятствовала переправе войск противника на правый берег Инда. Город известен святыми местами, а затем — большим железнодорожным мостом [‘Allāmī. P. 311; Caroe. P. 207—211].

После переправы через Инд — мысленное посещение Хайрабата и длительная остановка в Сарае для бесед с Сарафраз-ханом. Хайрабат — населенный пункт на берегу Инда в месте впадения в него реки Кабул, напротив Аттока. На картах встречается как Хайрабад: либо у ‘Али-Акбара оглушение конечного *d*, либо вполне вероятное прежнее *harābāt* переосмыслилось в *hayrābāt/hayrābād* [Caroe. P. 186, 243, карта; Masson. Карта]. Небольшой город Сарай-Акора, к западу от Аттока, был родиной Хушхал-хана Хаттака. Основан рядом с уже существовавшим селением Сарай, которое первым упоминается в исторических хрониках хаттакским *маликом* Акораем в годы правления Могольского императора Акбара и с тех пор является центром хаттакского племени [Caroe. P. 212, 243, 244]. По словам поэта, в Сарае у него было много знакомых, он называет уже упомянутых нами Йусуфа и Хаджи-Ахуна. Ему хотелось бы провести время в цветущем «Саду Вали» — Саду Святого (*d— walī bāy*). Трудно сказать, о чем идет речь, так как различного рода *мазары* с таким или аналогичными названиями имеются во многих местах Паштунистана и Афганистана. К примеру, на родине автора, в оракзайском Тирахе, в 7 км к югу от уездного центра Садда, в деревне Дэ Мир Баг, расположенной в прекрасной лесистой местности, тоже есть великолепный сад с множеством цветов и деревьев, куда паломников привлекает гробница святого Валиаллаха [Паштан—. С. 148, 150].

‘Али-Акбар продолжает свой путь по долине: «Пойди дорогою к селению Наушахр, там непременно разыщи муллу Са‘ида, весенним днем по Майре погуляйте, и передай ему поклон мой». Майрой называется долина реки Кабул (Ландай) от Пешавара до Инда, Наушахр — это, вероятно, современное селение Наушахра (Наушера) в Майре, на южном берегу, но не противолежащий ему Наушар (Наухар). В одном из персидских *маснави* Акбара встречается название деревни (*qarya*) Наушери. После этого ветру над-

лежит лететь в родной Тирах, в находящиеся по дороге туда деревни Шахабад и Манал-Умар, в селение Цамкани к суфийским старцам, в Котла, где живут отец, родня и близкие поэта. Тирах — историческая провинция, населенная главным образом племенами афридиев и оракзаев, а также халилов, бар-момандов, бангашей. Занимает обширную территорию к югу от восточной части хребта Сафедкох, граничит на западе с Куррамом, на юге с Кохатом, на востоке с Кохатом и Пешаварской областью, занимает долины рек Бара, Мастура, Ханки, Хурмана [Бенава. С. 200—204]. С Хайбером прежде всего связывается горный проход в восточных отрогах Сафедкоха, возле вершины Тахтара, через который протекает важный торговый и стратегический путь, соединяющий Кабул и Пешавар. У ‘Али-Акбара Хайбер — это область, прилегающая к проходу на юго-востоке, ограниченная на севере рекой Кабул, на юге, где она заходит в пределы Тираха, рекой Базар. Населена в основном афридиями и шинварами. Среди населенных пунктов Али-Масджид, Джамруд, Ланди-Котал. На картах конца XVIII—начала XIX в. хайберцам отведена область от верхнего течения Куррама на восток до Инда. Деревня Шахабад находится в 15—20 км восточнее Пешавара [Elphinstone. Карта]. (Любопытно, что, кроме селений Шахабад и Хайрабад в Пешаварской области, маршрут воображаемого путешествия, по всей видимости, ранее пролегал через районы с такими же названиями на границе Ауда и Рохилканда.) Селение Манал-Умар, возможно, было одним из владений *миана* ‘Умара Цамкани, подаренных ему августейшим *муридом* Ахмад-шахом Дуррани (этот топоним переводится как *ёвладение* ‘Умара& или *ёприобретение* ‘Умара&). Цамкани (персидская форма — Чамкани) расположено в 10 км к востоку от Пешавара, на дороге в Атток. Здесь, очевидно в том месте селения, которое Акбар называет Чамкани Даруламан, находится гробница ‘Умара Цамкани. В 25 км восточнее — деревня азихеля, одного из кланов племени цамкани. В наше время население в самом Цамкани, как и во всем прилегающем к Пешавару районе, смешанное в племенном отношении, однако прежде селение полностью принадлежало той части одноименного племени, которая, отделившись от основного его массива, мигрировала в Пешаварскую долину; до настоящего времени названия некоторых кварталов совпадают с именами кланов. Большая же часть племени цамкани населяет Северный Куррам, западнее Тираха и восточнее города Парачинар (к югу от хребта

Сафедкох), а в Афганистане цамкани живут в долине верхнего течения реки Куррам, в уезде Цамкани провинции Пактия [Рейснер. С. 99; Caroe. P. 184; Паштан—. С. 125]. Наконец, Котла (и Котли) при нарицательном значении Ёдеревня, село&, — распространенные, в частности и в Кашмире, топонимы и составные части топонимов. Можно предположить, что упоминаемое Акбаром селение с этим названием находилось в окрестностях Пешавара, к востоку от города. Эти места заселены выходцами из разных племен, в том числе, несомненно, и из племени оракзаев. Быть может, это та деревня Котла, в которой жил известный поэт Му‘иззаллах Моманд, в предисловии к изданию его дивана название деревни имеет и более конкретную форму — Котла Мухсин-хан [Му‘иззаллах. С. 4; Blumhardt, Mackenzie. N 111].

Заключительный отрезок пути проходит по долинам рек Кабул и Бара, через селения Азим, Манзи, Нэнавар, минует Шахкот, упоминаются видимые в отдалении хребты и вершины Кохсар, Кунда (или Квэнда), Ландука. Бара пересекает Тирах и впадает в Кабул (Ландай) ниже Пешавара, ее долина, протянувшаяся между хребтами Сургар и Торгар, густо населена; есть также селение и крепость с этим названием. В долинах бассейна реки находятся упомянутые три селения. Хребет Шахкот разделяет небольшие долины, населенные афридийскими кланами акахель и закахель (едва ли имеется в виду известный перевал Шахкот, который, наряду с перевалами Малаканд и Черат, соединяет Пешаварскую долину с Нижним Сватом). Горный район Кохсар, видимый из Тираха, находится к северу от Хайбера, а еще дальше на север, в верховьях, видимый издалека высокий заснеженный пик Кунда. Гора Ландука, о которой пишет Акбар, — это, скорее всего, вершина и перевал Ландукай в Тирахе между верхним течением реки Мастура и долиной реки Кохат [Caroe. P. 54, 180, 448; Elphinstone. P. 131; Паштан—. С. 65].

В конце касыды встречаются также топонимы Гандааб и Канбар. Первый из них достаточно распространен, но, исходя из того, что Гандааб у Акбара — ущелье, вероятнее всего видеть в нем либо долину и впадающую в Кабул реку, текущую севернее Пешавара, но юго-западнее реки Сват и параллельно ей, либо долину в Тирахе и примыкающий к ней перевал, по которому проходит дорога (дублирующая дорогу вдоль реки Бара) от слияния рек Мастура и Бара на северо-восток к Пешавару [Бенава. С. 200; Паштан—

. С. 66]. Канбар(-хел) — один из кланов племени африди; его территория — в тирахском Майдане, несколько выше города Баг по течению реки Караппи, притока реки Бара [Бенава. С. 224; Массон, Ромодин. С. 106]. Известна также большая деревня Канбар в Нижнем Свате на левом берегу реки [Bellew. P. 40].

Сражения, в которых участвовал 'Али-Акбар, боевые походы, поездки по делам военной и административной службы происходили главным образом в большом регионе от Пешавара до Кашмира, в котором расположены Камрадж и Пакли (Пакхли). В XVI—XVIII вв. топонимом Камрадж обозначалась территория, занимавшая приблизительно восточную половину Кашмира. Она рассматривалась то как историческая провинция, то как административная единица. По свидетельству английского переводчика «А'ин-и акбари» (со ссылкой на А. Каннингэма), Камрадж был одним из двух больших округов, на которые Кашмир делился с древних времен. Абу-л-Фазл 'Аллами сообщает, что долина Камрадж лежит между Кашгаром на востоке и Пакли на западе ['Allāmī. P. 570; 'Allāmī. P. 365; Cunningham. P. 94]. 'Аллами называет Пакли *саркаром*, входящим в состав Кабульской *субы* (провинции) вместе с соседними Кашмиром, Сватом, Баджауром и другими *саркарами*; с *саркаром* Кашмир он граничит на востоке, с Аттоком и Сватом — на западе, на юге простирается до реки Харо и района Гуджархана. Отмечается, что дорога по долине Пакли — кратчайшая и одна из лучших между Пешаваром и Кашмиром, наряду с путем через Бимбар ['Allāmī. P. 152, 562, 585; 'Али-Кули-Мирза. С. 10; Elphinstone. P. 172. Карта; Masson. Карта]. Позднее, к XIX в., границы Пакли были, несомненно, сужены и на юге доходили до Харипура, а севернее эта область занимала правобережье Джелама и Кишанганги. Дармстетер относит Пакли к области Хазарá [Darmesteter. P. 291]. Имеется и селение с этим названием, по-видимому, на реке Кишанганга недалеко от Музаффарабада. По данным афганского историка Фуфалзаи, в Пакли дважды останавливались войска Тимур-шаха, посланные против кашмирского губернатора Азад-хана несколько позднее описываемых в касыде Акбара событий [Фуфалзаи. С. 255, 256; Тарих-и султани. С. 157, 158]. Пакли, особенно город Мансехра, родина многих афганских поэтов: Хусайна, Леваная Мухаммад-джи, Баба Сайид Гула, Мир-Афзала, Хамид-Гула [Хусайн. С. XVII, XIX; Паштан— шу'ара. Т. II, № 119, 137, 142, 147].

Некоторые особенности языка 'Али-Акбара

'Али-Акбар с уважением относился к литературной деятельности и высоко ценил лучшие произведения персидской и афганской поэзии. Занимаясь ею, он стремился овладевать средствами художественной выразительности, лексическим богатством тех языков, на которых он слагал стихи. В предисловии к собранию своих стихотворений на пашто он написал: «Сочинительство, искусство литератора — дело большое и важное, особенно же соби́рание и упорядочение тех афганских слов, которые употребляются редко и не для болтовни пустословов». Открывая свой сборник, по традиции, славословием Бога, поэт славит его еще за одно деяние: «Достоин бесконечных восхвалений и бесчисленных славословий тот Говорящий, который язык каждого прославляющего сделал произносящим множество различных слов и научил народы значениям слов арабских, персидских и афганских».

'Али-Акбар, видимо, в равной степени прекрасно владел афганским и персидским языками, о чем свидетельствуют его произведения, с тою разницей, что в его персидских стихах явственнее использование поэтических средств художественной выразительности, тогда как язык афганских — за исключением некоторых газелей суфийского содержания — более непринужденный, безыскусный, близкий к разговорной речи. Персидский язык поэт называет «дари», скорее вкладывая в этот термин его раннее значение языка классической поэзии, нежели желая с его помощью выделить восточное наречие персидского языка. Лишь однажды, говоря о собственном персидском диване, он определяет его как «диван на фарси», подчеркивая, вероятно, свое намерение писать стихи на языке, общем для всей персидской поэзии. Афганский язык всюду в персидском тексте назван «afūānī», термин «afūān» применяется там к афганцам, афганскому народу, племенам и т. д., чему в тексте на пашто соответствуют «paštūn», «paštān—», «paštūnxwā» и другие. Арабский язык в персидском тексте упоминается как «tā-zī», в арабских фразах — «al-‘arab» (персидский в них — «al-‘ajam»).

Лексикон паштоязычных сочинений Акбара состоит из общеафганской лексики и лексики, принадлежащей диалектам восточной группы, причем слова, общие для всех диалектов пашто, но варьирующие по группам диалектов, пишутся в восточном вариан-

те (когда графика допускает возможность отражения различий). Исключения редки и в некоторых случаях могут быть объяснены невнимательностью при переписке. Так, часто употребляемый глагол *šw—l* везде выступает в этом восточном варианте, кроме двух случаев западного: *sw—m* (л. 63б), *nasī* (л. 44б) вместо *šw—m*, *našī*.

Лексика восточного пашто в большинстве своем принадлежит пешаварскому территориальному койне. К ней относятся противопоставленные метатезой западным *zm—ka* (зап. *m[^]—ka*) Ёземля&, *wraz/wra[^]* и *wraza/wra[^]a* (зап. *rwa[^]*) Ёдень&, также *nwar* (зап. *lmar*) Ёсолнце&; с выпадением *ś* в элементе *kśe* (послелог, префикс): *ke*, *kenāst—l*. Некоторая часть лексики имеет более узкий диалектный характер, почерпнута из племенных диалектов, в том числе, вероятно, и из оракзайского: *pāto* (вост. *pāte*, зап. *pāta*) Ёоставшийся&, *ūd—* (вост. *wīd—*, зап. *bīd—*) Ёспящий&, *nāma* (общафг. *nīm*) Ёимья&, *sez—l* (зап. *sw—l*) Ёгореть, жечь&, *alq* Ёсияние, блеск&, *wuc* (общафг. *wuč*, *w—č*) Ёсухой&, *ck—l* (зап. *čś—l*) Ёпить&, *kālkūcau* (общафг. *kālkūčau*, *kālkūčan*) Ёловкий, изворотливый; извилистый&, *špogm—u* (вост. *spogm—u*, зап. *spožm—u*) Ёлуна&. Встречаются варианты терминов родства: *wrār* (вместо *wrār—*) Ёплемянник (сын брата)&, *xorahay* (вместо *xorayay*) Ёплемянник (сын сестры)&.

Следует отметить слова, отсутствующие в толковых и двуязычных словарях афганского языка, образованные (автором?) от существующих корней посредством продуктивных суффиксов, сложения основ, повторов и пр., напр., прилагательное *mangoray* Ёзмеющийся, вьющийся& от существительного *mangor* Ёгюрза& (*mangore zulfe*), *yād—št* Ёупоминание, воспоминание&, *xac-xucā* Ёещели, норы& из *xuca* Ётрещина& и *xacūkay/xa[^]ūkay* Ёещель в полу&.

Вместо афганского суффикса *—nd* со значением деятеля автор употребил однажды при афганском корне суффикс персидского причастия настоящего времени с тем же значением *-anda*: *pohanda* (по типу перс. *dānanda*) вместо афганского *poh—nd* (или *pohānd*):

nor d— šī '(—)r maza maywāra l— čā na
pohanda d— har kalām ś— suxandān lār

Больше ни у кого не требуй чувства стиха:
Ушел прекрасный поэт — знаток слова.

Персидская лексика используется ‘Али-Акбаром, как и другими современными ему поэтами, почти неограниченно; в стихах параллельно, часто равноправно, нередко рядом, встречаются персидские и афганские синонимы, например: *spī* и *sagān* ‘собаки’, *st—rge* и *čaštān* ‘глаза’, *šūnde* и *labān* ‘губы’:

č— l— šawq d— tapedo me nihāyat xāt, ir betāb š—
l— žarā me d— čaštāno har yaw cāckay d— sīmāb š—
 Когда душа моя совершенно обессилела от трепетной страсти,
 В рыданиях каждая слеза обратилась в каплю ртути.

tamām ‘um(—)r me č— p—t; d— st—rgo nam s(—)tā p— zr— kše
āxir kor xarāb ^ (—)mā d— zr— d— oško l— selāb š—
 Всю жизнь влага моих глаз была скрыта в твоём сердце,
 И наконец разрушен дом мой потоком сердца слез.

byā p—xp—l l—ka spī band š—
angled— l—ka sagān
 Потом они, как псы, были посажены на цепь,
 Были как собаки.

Заслуживает упоминания частое употребление персидских инфинитивов в субстантивном значении, имеются газели на рифму *-an* с использованием инфинитивов *bastan*, *xandīdan*, *kardan*, *gušādan* и других:

‘āšiqān ye wa dīdan-ta
špa aw wra^ dī muntaz, ir
 Влюбленные встречи с ним
 Ждут днем и ночью.

Влияние персидского языка проявляется и в сосуществовании персидской и афганской форм слова: *dušman* и *dušm—n*, *xwāb* и *xob*, *laškar* и *laškar*.

Единожды употреблено арабское заимствование *xidmat* в его восточно-персидской и таджикской форме *xiz_mat*.

Кроме обычной многочисленной заимствованной из хиндустани лексики имеются специфические заимствования, как, например: *banjar* ‘бесплодный’, *banba/bamba* ‘бомба’.

При наличии вариантов существительных женского рода (оканчивающихся либо на согласный, либо на *-a*) автор нередко предпочитает менее употребительную из двух форм (на *-a*): *lāra* Ёдорога&, *wra^a* Ёдень& (при этом слово *wr—^a* Ёбровь& пишется в вариантной форме *wrū^a*), иногда даже в нарушение стихотворного размера: *haṡa wra^a me d'era-d'era yādaw—la*; часто в сочетании *ṡpa aw wra^a*.

В грамматической системе языка памятника имеются особенности по сравнению с некоторыми категориями не только современного литературного пашто, но и по отношению к той форме письменного афганского языка, которая была в некотором роде стандартной в то время, и в числе этих особенностей — архаические грамматические черты и черты, присущие диалектам восточной группы и отчасти сохраняющиеся в наше время. Наблюдаемые в той мере, в какой их передает графика, и взятые в совокупности, они позволяют составить некоторое общее представление об отличительных чертах диалекта автора, его идиолекта, в котором, по-видимому, отражены особенности диалекта оракзи. Однако достаточно нормализованные к тому времени графика и орфография, а также несколько установившиеся грамматические и лексические нормы оказывали на автора столь существенное влияние, что черты его родного диалекта проявляются лишь окказионально, параллельно тому, что стало принятой нормой, или даже совсем ей уступают.

Для системы глагола характерны почти вышедшие сегодня из употребления в литературном пашто формы *kā* и *kāndi/kānde* глагола *kawəl*. Этими формами в сочетании с соответствующими грамматическими и лексическими средствами выражается 3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени изъявительного и сослагательного наклонения, понудительного наклонения, иногда прошедшего времени.

Н а с т о я щ е е в р е м я :

l— ta's īra ye d— m—x p— zṛ— dāṡ yos—m

xāl p— band d— dwāro wrū^o č— raqam kā

Ее лицо обжигает мне сердце,

Когда она рисует родинку у слияния бровей.

na d— čā p— rižā tl— kā na d— čā p— war guz_ar
na d— čā xab—ra awrīna p— čā kānde naz_ar
 [Судьба] не поступает ради чьего либо удовольствия,
 Не проходит через чью-нибудь дверь,
 Не слушает ничьих слов, не смотрит ни на кого.

Будущее время:
 несовершенный вид

č— prešāne kā dwa zulfe muškāmeze
tor ba m—x d— spīne wra^he d— sahar kā
 Когда распустит две черные, как мускус, косы,
 Затемнит лик светлого дня.

совершенный вид

hec ta 'rīf ba de d— h, us(—)n cok w—nakā
 Никто не опишет твою красоту.

сослагательное наклонение

č— d— kor c—št—n kor preždi
c— kā xwār musāfirān?
 Когда хозяин покидает дом,
 Что делать бедным скитальцам?

(и с понудительной частицей)

spī mūz_ī s, arfa w—nak'ra
xdāy de xwār kā badgoyān
 Не унялся назойливый пес:
 так пусть Бог принизит злословов).

d— falak l— grewa m—x hase rošān kā
l—ka w—kānde hama ās(—)mān barq
 Сияет лик из ворота небес,
 Подобно тому как если бы молния осветила все небо.

Прошедшее время:

p— zārī me sar t—r zm—ka t—l wartl—l kā
 Я всегда уходил плача, с опущенной долу головой.

Али-Акбар часто пользуется восточной формой 3-го лица единственного и множественного числа прошедшего времени на -о:

droy buhtān ye p— mā joʻ kʻo
Он меня оболгал, оклеветал.

spīno yāśo ye kʻro durr aw gawhar māta
Ее белые зубы поразили жемчуг и брильянты.

Co muddata lānde-bānde teredo p— dayā šān
Так в неразберихе прошло некоторое время.

Duśm—nān rāylo
Пришли враги.

Автор образует также 3-е лицо единственного и множественного числа мужского рода с окончанием — (на письме совпадает с формой единственного числа женского рода на -a):

na ye zar p— kār ye rāyl—
na ye mulk aw na kīšwar
Не понадобились ему ни его золото,
Ни царство, ни страна.

dwāro st—rgo de tamām mul(—)k āšob k—ʻ
čīn d— zulfo de l— rūm wāxīst— bāj
Твои глаза привели в смятение все царство,
Китай * твоих локонов собрал дань с Рума.

По требованию размера в формах 1-го лица единственного числа настоящего времени возможно окончание -(y)—ma, обычное для фольклора:

čā ta wāy—m čā ta kʻ—ma faryādūna
Говорю одним, взываю о помощи к другим...

Такую же форму с наращением -a имел иногда и глагол-связка в 1-м лице единственного числа. Глагол «быть» в прошедшем времени (в 3-м лице мужского рода) изображался буквами w и h и произносился w— или wi:

* Здесь как омограф слова «завиток». — В. К.

p— b—l nūm w— muqarrar

Был наречен другим именем.

Глагол-существительный *šta* употребляется как самостоятельно, так и в сочетании с глаголом-связкой: *šta d—y*, *šta dī* — и, кроме того, в необычной форме, оканчивающейся *алифом* (чаще в негативе):

l— xālī tas, wīra hec mūd—na naštā

Из пустого рисунка ничего не постичь.

ʿā d— guft-u-šunud naštā

Нет места разговорам.

Ряд особенностей отличает спряжение глагола *šw—l*; отметим формы *šw—l—m*, *šw—la* вместо обычных *šw—m*, *šwa*:

d— sult, ān āsānī w—šwa

p— dušn—m šw—l—m d'er grān

Султану наступило облегчение,

А для врагов я стал труден.

В 3-м лице единственного числа мужского рода прошедшего времени постоянно используется форма *š—*, а не стандартная *šū*, изредка *šw—*:

mulksitān š— tājparwar Завоеватель стал венценосцем.

šw— at;—k ta p— raftār Отправился в Атток.

Префикс, несущий значение перфективности, имеет форму *w—* :

āsānī me ba d— γamo p— yār w—šī

Благодаря другу мне станет легче в беде.

d— har čā p— kor d— neko āwāz w—krā

p— kāl— d— har 'azīz nekūguftār ša

В доме каждого призови к добру,

В домах всех друзей говори добрые слова.

Потенциальная форма могла образовываться с причастием на *-ay*, не на *-āy*:

hec aws, āf de p— b—l cez kše līday naš—m

na p— nwar na p— spožm—y na p— gulāb kše

Ни в чем другом я не могу узреть никаких твоих качеств —
 Ни в Солнце, ни в Луне, ни в розе.

В аблативном значении, в сочетании с предлогами *l—* или *t—r*, чаще употребляется второй косвенный падеж, нежели синонимичная конструкция с послелогами *na*, *c—xa*:

l— wat, ana šw—m rawān
 Я уехал из отчизны.
Stā l— 'išqa dewāna g—rzī akbar
 Бродит Акбар, обезумев от любви к тебе.

Форма второго косвенного падежа употребляется, в соответствии с нормой, после числительных и неопределенных местоимений, однако Акбар допускает использование в этой позиции прямого падежа единственного числа имени (возможно, ради соблюдения стихотворного размера):

yaw co gaz (вместо *gaza*) *hamtā ye yow'ra*
 Он заслужил нескольких аршин бязи.

Окончание звательной формы передается в тексте буквой *алиф*, следовательно, должно было произноситься *-ā* вместо нормативного *-a*:

ter l— nāma l— nāmūsa ša akbarā
 Пренебреги, Акбар, славой и честью.

magar lās rāk're dilbarā dastagīrā
p— xwārīyo p— mih, nato k'se nas, īrā
 Может быть, подашь мне руку, о возлюбленный покровитель,
 О помощник в нужде и трудностях!
 (также *rabbā, qalamā* и др.).
 Возможно влияние персидского языка.

Очень часто для выражения обстоятельства образа действия используется прямой падеж имени в абсолютной позиции:

l— fānī dunyā na w—wot st—rge p—t;e lās p— sar
na spāhī warta w—lār wu na yulām lās p— kamar
 Он ушел из брэнного мира, глаза закрыты, руки на голове,
 Не стоят подле него ни воин, ни гулям — руки на поясе

Прямой падеж существительных женского рода, оканчивающихся на *-a*, был возможен не только с предлогом *p—*, но в некоторых случаях и с предлогом *d—*:

d— nawšahr d— qas, aba p— lār

По дороге в селение Наушахр.

Для выражения направительности чаще других средств встречается сочетание предлога *wa* с послелогом *wata* или только — тот предлог:

č— mudām de wa sro st—rgo wata gor—m

Чтоб всегда мне глядеть в твои ревнивые глаза!

č— wa toro xāwro hase h, us(—)n warkā

z— h, ayrān pāte p— s, an ‘a d— xāliq-y—m

Я остаюсь поражен искусством Творца,

Который черной земле дарует такую красоту.

Встречаются три формы личного местоимения 1-го лица множественного числа: *mūž*, *mūnž* и *mūg*, из которых последняя принадлежит только диалектам восточной группы, а для первых двух автор использует общеафганскую графическую форму:

mūg ham wū d— d— p— waxt kše

И мы жили в его время.

Относительное местоимение «столько, так» имеет в тексте форму *hunbra/hūnbra*, а не более обычную *hūmra*.

Система графики в тексте сборника в целом соответствует той, которая принята в рукописях XVIII в., отличаясь от современной отсутствием, во-первых, буквы *gaf* для звука *g*, которую заменяет *kaf*, передающая звук *k* и таким образом являющаяся здесь бисемантической, и, во-вторых, буквы *hūn* для звука *h*, которая, как и в других рукописях того времени, заменяется сочетанием двух букв — *nūn* + *‘a*. Очень своеобразным представляется полное отсутствие знака *cīm* для звука *c* при двойственной функции буквы *‘īm*, обозначающей у ‘Али-Акбара не только *‘*, но и *c*, тогда как во всех известных нам текстах того периода наблюдается противоположное: буква *cīm*, помимо основного значения — *c*, передает и звук *‘*.

В связи с тем, что в восточной группе диалектов западному ʾim (и принятому общему знаку ʾim) может соответствовать z , а звуку c (знаку cim) — звук s и, кроме того, звуку $\acute{s}$ (знак $\acute{sin}$) соответствует x , а звуку $\acute{z}$ (знак $\acute{za}$) — звук g , в графике ‘Али-Акбара, отражающей то особенности пешаварского койне, то стандартное написание, наблюдается следующая пестрая картина.

1. а. Буква ʾim в тексте сохраняется на месте этой общеафганской буквы ($wra\text{ʾ}$, ʾalī , $wr\text{—}\text{ʾa}$ и др.), но, вероятно, она могла читаться и как z .

б. Буква ʾim в тексте заменяется на za ($g\text{—}rzi$, $warza$ и др.). Характерно, что личное местоимение 1-го лица единственного числа Акбар пишет обычно не $z\text{—}$, а ʾ— , так как именно такова восточная форма.

в. Буква ʾim , как уже сказано, выполняет и функцию cim (ʾok , $he\text{ʾ}$ и др. вместо cok , hec), но не заменяется на $\acute{sin}$, чего можно было бы ожидать в восточном диалекте.

г. Поскольку в диалекте ‘Али-Акбара в ряде слов общеафганскому $\acute{c}$ соответствует c , то и эти слова пишутся с буквой ʾim , например, $wi\text{ʾ}$ вместо wuc .

2. Для звука $\acute{z}$ (вост. g) либо сохраняется стандартное написание с $\acute{z}$ ($xo\acute{z}$, $xw\acute{a}z\text{—}$, $m\acute{u}z$, $arze\acute{z}$), либо используется знак kaf (= gaf) (xok , $xw\acute{a}k\text{—}$, $m\acute{u}k$, $arzek\acute{i}$).

3. Однако для звука $\acute{s}$ (вост. x) используется только $\acute{sin}$, не заменяемый на xa ($ro\acute{s}\acute{a}n$, $\text{ʾ—}\acute{s}t\text{—}n$).

4. В некоторых словах параллельно употребляются $\acute{s}/\acute{s}$: $la\acute{s}kar$ — $la\acute{s}kar$.

В области орфографии наиболее характерны следующие явления:

1. Опускание начальной буквы ha , что соответствовало реальному произношению: $alta < halta$, $at\acute{i} < h\acute{a}t\acute{i}$, $angled\text{—} < hanged\text{—}$, $yew\acute{a}d\acute{u}na < hew\acute{a}d\acute{u}na$.

2. Опускание букв, передающих конечные гласные, главным образом морфемы: $mulk\acute{u}n$, $z\acute{r}\acute{u}n$, $gul\acute{u}n$ ($< mulk\acute{u}na$, $z\acute{r}\acute{u}na$, $gul\acute{u}na$), $j\acute{a}n\acute{a}n$, $\acute{a}\acute{s}iq\acute{a}n$ ($< j\acute{a}n\acute{a}no$, $\acute{a}\acute{s}iq\acute{a}no$), $\acute{z}\text{—}b < \acute{z}\text{—}ba$, d ($< da$, $d\text{—}$), $l\text{—}$ $\acute{c}\acute{a}n$ ($< l\text{—} \acute{c}\acute{a} na$), $l\text{—}$ tan ($l\text{—} tan na$), $ajd\acute{a}t$ ($< ajd\acute{a}d ta$).

3. Замена и отпадение арабских букв, чуждых пашто: $p\acute{a}ji$ ‘ $< f\acute{a}ji$ ’.

4. Слитное написание, по преимуществу служебных элементов: $pre < p\text{—}r ye$, $tre < t\text{—}r ye$, $tye < t\text{—} ye$, $ta ye$, $sare < sar ye$.

5. Написание суффиксов и окончаний отдельно от корня отыменного глагола: $\gamma wa\text{ʾ}a w\text{—}l$, $\gamma wa\text{ʾ}a w\acute{i}$, $ma\acute{s}\gamma\acute{u}la w\text{—}la$, $y\acute{a}da w\text{—}$

la, šored— l—m, xlās, a wī, škūla w—l, также *l— ka (<l—ka)*, *pa se (<pase, pas ye, pase ye)*, *p— še (<pše)*.

6. Двоякое — орфографическое и орфоэпическое — написание послелога: *kš — ke*.

7. Передача энклитического местоимения 3-го лица и глагола-связки 2-го лица единственного числа *ye* в виде *y* с *хамзой* над буквой.

Основываясь на тексте, невозможно представить полную характеристику фонетики языка автора. Из приведенного обзора графики можно сделать лишь некоторые частные выводы, касающиеся фонетических и фонологических особенностей. Вероятнее всего, отсутствовала звонкая фонема *ž*, которая замещается звуком *g*, совпавшим с имеющейся фонемой *g*. В то же время глухая фонема *š* сохраняется. Несмотря на отсутствие буквы для *s*, мы решились бы высказать предположение об отсутствии этой фонемы только при условии наличия свидетельств о замещении ее фонемой *s*, однако такого замещения не наблюдается, и мы можем лишь констатировать, что звук *s* передается, как указывалось, той же буквой, что и параллельная звонкая фонема *ʒ*. О позиционных и иных фонетических явлениях можно судить по приведенным фактам орфографии.

Язык персидских произведений ‘Али-Акбара имеет некоторые особенности, присущие языку дари Афганистана и таджикскому языку. Например, глагольные превербы в сложных глаголах не отделяются видовременным префиксом *te-* от личной формы: *te-bar-āyad*, *te-dar-āyad*. Такой порядок элементов был присущ и ранненовоперсидскому языку. В числе грамматических архаизмов в языке рукописи заслуживает внимания использование глагола *āmadan* в качестве вспомогательного при образовании страдательного залога, так как известно, что эта форма вышла из употребления к началу XVII в.: *ta ‘līqča qalamī šud wa irsāl dāšta āmad*. Здесь *āmad* — показатель пассива, рассматривать его иначе, например, как модифицирующий глагол, невозможно.

Специфической представляется встретившаяся конструкция с постановкой отрицания перед превербом сложного глагола: *na-bar-gašta-ast*. Можно отметить дублирование показателей множественного числа в именах существительных (арабское ломаное + окончание *-ān*) как более свойственное именно восточным диалектам персидского языка: *umarāyān*, *arkānān*, *at, fālān*. Широко употребляются лично-указательные местоимения 3-го лица множественного числа *ānān*, *ošān*.

Графика и орфография персидской части рукописи обычные, своеобразной чертой графики является снабжение надбуквенной хамзой буквы *h*, обозначающей гласный *-a*, в отличие от той же буквы при передаче ею согласного *-h*. Этим исключалась возможность выражения хамзой изафета.

Лексические особенности прослеживаются главным образом в прозаических текстах и сатирических *маснави*: немало слов, присущих лишь персидско-таджикским диалектам, слов, заимствованных (иногда только Акбаром) из пашто, а также из индийских языков. Чаще это различные реалии, редко — обозначения абстрактных понятий.

Миниатюры — иллюстрации к тексту

После текста персидского *куллийата* и позднее вписанного рассказа из «Гулистана» помещены 18 миниатюр. Они чрезвычайно интересны тем, что добавляют некоторые штрихи к портрету автора, восстанавливаемому по его стихам, и, к тому же, многократно повторяют его портретное изображение, отражают события и эпизоды, описываемые 'Али-Акбаром, то есть иллюстрируют его стихи. По меньшей мере на восьми из них изображен он сам в разном окружении: со своим духовным учителем, во главе войска, с сыновьями, друзьями, танцовщицами.

Наиболее интересна миниатюра на л. 205б, на которой представлены несколько суфиев и среди них, крупным планом, сидящие друг против друга поэт 'Али-Акбар и его духовный наставник (несомненно, несколько раз упоминавшийся им ходжа Шах 'Абдар-Рахим). О том, что изображены именно они, свидетельствуют сделанные возле них надписи *jināb-i h, aẓrat* (Его святейшество&, именно так титулует всюду своего *nura* Акбар) и *ah, qar 'alī-akbar*. Эта подпись на рисунке могла быть сделана только Акбаром, потому что лишь сам пишущий или говорящий может назвать себя *ah, qar*, только к самому себе применим этот уничижительный эпитет — «презреннейший, низайший», в противном случае он приобретает бранное значение. (Подписи выполнены тем же почерком, что и вся рукопись, и этим подтверждается предположение об автографе.)

На другой миниатюре (л. 210б) те же лица предстают перед нами читающими Коран и обозначены теми же словами, а этому действию предшествует сцена, которая помещена в нижней части миниатюры: Акбар направляется к *пир*у или ждет его разрешения войти, а вместе с ним трое его сыновей, слуги и другие лица (каждая из этих трех групп обозначена соответствующим словом). Сюда же примыкает миниатюра (л. 212б) с изображением *пира*, Акбара и трех его сыновей, сидящих перед духовным наставником поэта, который здесь назван по имени. На обороте рисунка пояснение: «Подлинность радения в обители его святейшества пира и наставника — да продлится сень его — и того, как „презреннейший“ вместе с сыновьями удостоился принятия благословенным святейшеством». Еще три рисунка посвящены братству *накибандийа*. На одном молящегося коленопреклоненного ‘Али-Акбара пытаются убить нападающие сзади враги, но в них стреляет из лука сам основатель суфийского братства. Это иллюстрация к одной из касид, персонажи миниатюры подписаны: ‘*Ali-Akbar, s, af-i dušmanān* (Ёстрой врагов&), *Šāh-Naqšband muškilgušā* (Ёразрешающий трудности&). Второй рисунок — иллюстрация к *маснави Nasab-nāma* (Ёродословная&), о чем сообщает подпись, с изображением двадцати одной фигуры шейхов — «передатчиков благодати». К третьей из этих миниатюр Акбар дает пояснение на обороте: вечером, когда он слагал газель, ему привиделась улица с застекленными лавками по обеим сторонам, и подле каждой лавки хозяин; появляется конный отряд, и «презреннейший» спрашивает: «Что это за войско?» — и ему отвечают, что это войско *хазрата* Шах-Накшбанда. «Я побежал к отряду, чтобы оказать почести по случаю прибытия, — заканчивает свое пояснение Акбар (на рисунке он прикладывает губами к стремям), — и проснулся».

У ‘Абд ар-Рахима, наставника Акбара, от рисунка к рисунку меняется осанка, и если таким образом намеренно передан возраст, то по этим различиям можно установить хронологическую последовательность изображенных событий. Лицо Акбара одинаково на всех миниатюрах, и поэтому он легко узнаваем и там, где нет никаких подписей: в сценах боя верхом на лошади, во время приема у знатной дамы, у *пира* и, наконец, под сводом из семи небес, над которыми помещается рай.

На остальных миниатюрах: восседающий на троне правитель с окружающей его свитой, судя по одежде и головному убору — Надир-шах; венценосная женщина и прислуживающие ей люди; панорама Мекки и Медины; имеются также незаконченные эскизы. Миниатюры могли бы быть полезны для изучения некоторых реалий быта и других сторон жизни того времени: посуды, одежды, ковров и других предметов интерьера, флагов, конских чепраков и пр. Все иллюстрации помещены в одном месте. Разумеется, сборники стихов, будучи автографом, были переплетены не самим автором, а, вероятно, после его смерти. Поэтому стихи оказались не собранными в диван, а иллюстрации — не поставленными на свои места в тексте, хотя и сохранившими пояснения автора на вложенных между ними листах и на обороте. Все эти пояснения к миниатюрам выполнены той же рукой, что и основной текст рукописи, но менее аккуратным почерком. Встречающееся и здесь применительно к автору определение «ахкар» подкрепляет уже высказанное утверждение о переписке рукописи самим автором: пометки такого рода на миниатюрах, а также несомненная принадлежность всего оформления манускрипта тому же лицу, которое изготовило миниатюры, позволяет полагать, что им был сам поэт ‘Али-Акбар — не слишком одаренный живописец, но превосходный каллиграф, ибо его крупный *наста’лик* очень красив и четок.

Хотя связь миниатюр с содержанием текста «Гулшан-и афган» очевидна при их сопоставлении, ‘Али-Акбар старается подписями к рисункам постоянно дополнительно — то кратко, то подробно — разъяснять отношение отдельных миниатюр к тем или иным частям книги, идет ли речь о суфийском мировоззрении автора или о его взаимоотношениях с *муришдом*, об участии в военных и политических событиях; при этом есть случаи отсылки в другом направлении — от стихотворения к миниатюре.

В конце рукописи, на л. 214—225 (после миниатюр), записаны пятьдесят шуток и анекдотов (*mut, ā’ibāt*), по большей части — на распространенные на Востоке сюжеты, в них действуют, как обычно, бедняки, богачи и воры, глупые мужья и любовники, слепые и глухие, продавцы и покупатели, *ахунды* и еретики, падишахи и царевицы, халифы и лжепророки, всевозможные животные; в нескольких анекдотах персонажами являются известные личности:

Джами (л. 217а), Саади (л. 219б—220б), Абу-Ма‘шар (л. 224а). Большая часть анекдотов — фривольного содержания.

ПЕРЕВОДЫ

[Касыда о Надир-шахе и Ахмад-шахе]

- 586 Вечно и беспредельно поразительное коловращение судьбы:
Она своевольно то возносится, то падает;
Она не следует чьему-либо желанию,
Не принимает чью-либо сторону,
Не прислушивается ни к чьим словам,
Не взирает ни на кого.
Она низвергает королей с тронов,
Делает вождями бедняков и нищих ¹.
На нее надеются бедные и изможденные,
А она оставляет мир без них.
Принца лишает войска,
Низкого по происхождению делает венценосцем.
Богача вынуждает искать займы,
А бедняка и слабого осыпает золотом.
- 59a Конника сажает верхом на слона,
Но едущего на слоне пересаживает на осла.
Даже если нет у кого-либо предков,
Обеспечивает его родословной,
Озабоченного куском хлеба
Возводит в правители.
Уравнивает старших и младших
И порой младшего ставит выше старшего.
Рабов нашего времени делает
Равными ханам.
Деревенского нищего
Сделает высочайшим во всем царстве.
Богатыря сделает слабосильным,
А слабого — одолевающим его.

¹ Здесь первые намеки на происхождение и судьбу Надир-шаха, который был сыном крестьянина (см.: [Lockhart. P. 18]).

Осушает полноводно текущие реки,
А сухой пруд наполняет до краев.
Молоко в чаше превращает в воду
И даже хуже, нежели в воду,
Разоренное царство делает процветающим,
Возделанную землю — бесплодной.
Бродягу поселяет в доме,
Оседлого заставляет бродяжничать.
Таково вращение времен,
Переворачивающее все с ног на голову,
Таковы обстоятельства эпохи,
Которые я кратко разъяснил.
Судьба — такая штука,
Которая падишахом делает простого смертного,
И мне пришли на память события,
Которые изложу подробнее.

596

Когда я появился на свет
Из небытия в явь,
В мире было царствование Надир-шаха ²
Подобного солнцу.
Пока счастье не сопутствовало ему,
Он был не столь заметен,
Даже имя его было иным,
Другим именем был назван ³.
Но появилась поддержка небес,
И он завоевал все царство ⁴.
Когда судьба стала ему благоволить,
Стал он завоевателем и венценосцем ⁵.
И при поддержке небес
[Он остается, когда] все проходит.
Ему досталось все царство,
Он стал властелином моря и суши.
Не осталось не завоеванной им ни одной страны,
Весь мир боялся его.
Он покориł Вилайат ⁶
Мечом удачи.

20a

² Годы правления Надир-шаха — 1736—1747.

³ Надир родился в 1688 г. и был наречен Надр-Кули-бегом.

⁴ В 1730 г. стал фактическим правителем всего Ирана.

⁵ Весной 1736 г. провозглашен шахом Ирана.

⁶ В и л а й а т (здесь) — зд.: паштунские территории между Ираном и Индией.

Обратившись к Индии,
Он никого не оставил без внимания:
Все подчинились ему,
Будь то падишах или войско.
В страхе перед ним, страна за страной,
Весь мир пал ниц, ослепленный и оглушенный.
По всему свету им была распространена
Слава меча и топора ⁷.
Никто не смог подняться выше него,
Так как Господь был ему подмогой.
Когда удача от него отвернулась,
Не стало у него ни царства, ни войска.
И мы жили в его время.
Пророк стал ему заступником,
Ушел он из мира правоверным,
Мухаммад был ему путеводителем.
Странные друзья были у него в этом мире,
Только послушай:
Отделили ему голову от тела,
Один — негодай, другой — слуга ⁸.
Ни золота ему [теперь] не нужно,
Ни власти, ни страны.
Он ушел из брэнного мира,
Закрыты глаза, руки на груди.
Ни воинов подле него,
Ни рабов, положивших руки на пояс ⁹,
Никто не остался ему прислуживать,
Никто не остался для него работать.
Он удостоился нескольких гязов ¹⁰
Ему по росту.
Так Владыка даровал справедливость,
Пролил свет правосудия.
(Следующий отрывок, вероятнее всего, является частью той же
касыды, и повествует, как можно судить по его содержанию, об
Ахмад-шахе Дуррани).

⁷ 40-е годы — кровавые годы власти Надира. Возможен намек на резню в Дели, после которой всякое массовое убийство стало называться в Индии «надиршахи».

⁸ Надир был убит (ранен, затем обезглавлен) у себя в шатре в ночь на 20 июля 1747 г. Согласно некоторым источникам, его убийцами были начальник личной стражи Мухаммад-Кули-хан и управляющий хозяйством Салих-хан.

⁹ То есть готовых выполнять приказания.

¹⁰ Г я з — мера длины, равная приблизительно одному метру.

Когда Бог и судьба с кем-либо подружатся,
Не оставят его ни власть, ни царство.
В который уже поход он снова
Приготовился спешно — на Индию ¹¹,
Он завоевал Индию до гробницы Акбара ¹².
Он женил царевича
На девушке — яркой звезде,
Сделал своего сына
Продолжателем родословной ¹³.
Затем он торжественно ушел оттуда
Правителем всех стран.

47a

(Далее оставлены пустыми четыре последние строки л. 47a и две первые строки л. 47б).

Владыка даровал справедливость,
Распространил свет справедливости,
Изгнал из мира тиранов,
Освободил царство от зла,
Дабы в нем утвердился гордый ислам,
И тем может гордиться.
Он оказывал благодеяние Божьим созданиям,
А царство утвердилось.
К тебе, Творцу, мой плач,
Не оставь Акбара в нужде.

¹¹ Ахмад-шах совершил восемь походов против Индии, Надир-шах только один.

¹² Ахмад-шах покорил Акбарабад и всю область Агра, где находится эта гробница, Надир-шах не продвигался южнее Дели.

¹³ Согласно М. Губару (с. 319), сын Ахмада Тимур женился на племяннице правителя Индии Мухаммада 'Азиз ад-дина ('Аламгира II), а по Ю. В. Ганковскому (с. 25) — на дочери 'Аламгира Мухаммади-бегум (она же Зухра-бегум и Гаухарафраз). В «Тарих-и ахмадшахи» есть «Рассказ о женитьбе принца Тимур-шаха на дочери Аламгир-шаха» [Мунши]. Сын Надира Насраллах тоже был женат на могольской принцессе, дочери Йазданбахша, праправнучке императора Аурангзеба [Lockhart. P. 151].

**[Касыда о посещении родных мест, друзей
и знакомых]**

- 316 Отправляйся, ветер, лети на родину,
Разузнай о положении всех и каждого.
Из города Лакхнау откочуй в Бихар,
Пролети над паштунами в Катхере ¹⁴.
- 32a Отнеси привет родной паштунской стороне.
Лети туда, где падишах, поторопись, осведомись о братьях [по
братству],
С почтением испросив у них разрешения, лети своим путем.
Проходи той дорогой, которая тебе знакома,
Не оказывай милости в других местах, будь верен
И иди прямо на родину.
Когда достигнешь Сирхинда, задержись,
Передай мой привет издалека Му'иззаллаху,
Потом, следуя к своей цели, покинь его.
В Пенджабе поскитайся по домам всех знакомых,
Насладись, порадуйся стихам.
Куда направился, туда и иди,
Везде проявляй заботу о знакомых местах.
На том берегу Джелама двигайся к Рохтасу,
Всюду появляйся, всюду показывайся.
Уложи пожитки, надень короткую одежду,
Найди тростниковые чапли.
Перекинь через плечо ружье
И обратном-щеголем отправляйся в горы.
- 326 Рыскай во всех ущельях и кочевьях,
Стань им угрозой вместо моего дяди.
Когда оглядишься, все поймешь,
И тогда ступай по своему делу, будь настороже,
Переход за переходом, иди к цели,
Хороший охотник на турачей, будь хитер ¹⁵.
Когда приблизишься к пределам Хасан-Абдала,
Лучше лети в этот город,
Поклоняйся с глубоким уважением.

¹⁴ Упоминаемые в касыде имена и топонимы разъяснены во Введении, а также в опубликованных статьях В. В. Кушева. — *Примеч. М. С. Пелевина.*

¹⁵ В этих бейтах мысленного суфийского путешествия содержатся намеки на события и лица, оставшиеся нам неизвестными.

Погуляй в садах и цветниках,
Насладись ароматом роз и не спеши.
Исполненный почтения, выйди через ворота за стены,
У пограничных родников воссоединимся.
Иди к Аттоку, появись там.
Твоя задача — поклонение миану Йахйе.
Лети там ко Дворцу Высоких Тайн.
Когда приблизишься на фарсанг,
С глубоким почтением приветствуй, о преданности своей заяви,
Посиди в чертогах, отрешившись от всего,
Еще несколько раз у его могилы скажи о своей преданности.
Соверши фатиху ¹⁶ и, удовлетворенный, 33а
Посиди спокойно у его престола.
Только потом получи у него разрешение уйти,
Переправься на другой берег у Аттока.
Приветствуй Хайрабад,
В окрестностях Сарая [Акора] расспроси обо всем.
Когда настанет время приезда в Сарай,
Там задержись, поживи в разных местах.
Нужно расспросить сардара ¹⁷ Сарафраз-хана,
Кого Бог хранит и кому помогает.
Господь даровал ему двойное сардарство:
Ему благословение и на челе, и в чалме.
Помолись на могиле Хаджи Ахуна.
Осведомься, узнай о положении Йусуфа,
Несколько раз поцелуй от меня,
Постарайся, успокой его бедное сердце.
Если еще кто-нибудь из знакомых встретится на пути,
Передай мой привет, броди повсюду.
Когда решишь лететь оттуда,
Попорхай в цветах Баг-и Вали,
Вдохни аромат каждого цветка и улетай. 33б
Преданно целуя престол милосердного шейха,
Постепенно дойди до его гробницы
И там, радостный, верши добрые дела.
Останься и долго пребывай в услужении ему,
Оставь хаканство, стань его жертвой.
Вежливо попроси у его святейшества соизволения
И направься по дороге к селению Наушахр.

¹⁶ Ф а т и х а — первая сура Корана; зд.: молитва.

¹⁷ С а р д а р — вождь, предводитель.

Постарайся разыскать муллу Са‘ида,
 Если будет весна, погуляй с ним по Майре,
 Еще передай от меня поклон.
 Получив разрешение идти в Тирах, отправляйся,
 А отпросившись оттуда, поторопись.
 Когда дойдешь до Шахабада, задержись там,
 Соверши омовение и молитву за всех,
 Затем иди прямо по дороге к деревне Манал-Умар.
 Настойчиво разыскивай Дар ал-Аман в Чамкани,
 Спрашивай у всех, ступай уверенно.
 Издали низко, с почтением и уважением, кланяйся,
 Отойдя в сторону от дороги, направься вдоль арыка.
 34а Всякий раз, ступая, ставь ногу с благоговением:
 Аромат развеян, словно в цветнике.
 Когда благополучно достигнешь племени цамкани,
 Иди там с еще большим благоговением, смотри — будь внима-
 телен.
 Жертвуй собой ради каждого места,
 Каждого дерева, каждой ветви.
 Так до жилища миа сахиба¹⁸
 Иди, ничтожный, обрети надежду у его престола.
 Если разрешат прийти к нему, соверши паломничество,
 Если нет, найди время, стань у дверей чубдаром.
 Как только представится случай, приблизься к нему,
 Часто и многократно восславь его,
 Приложи к глазам его благословенную руку.
 Благодарю за встречу и будь свободен.
 Младшего миана¹⁹ приветствуй обеими руками,
 Вдохновись на почитание Мухаммади-сахиба²⁰,
 В мечети помолись за него и изъяви покорность,
 Помяни в молитве слабых.
 Пройди в саду к жилью всех братьев,
 34б Каждого приветствуй и у каждого спрашивай разрешения уйти.
 У сахиба возьми разрешение идти домой:
 Если там будет кто-нибудь, с молитвой к ним явись,
 А если нет, иди по пешаварской дороге.
 Счастьем будь озарен во дворах селения Котла.

¹⁸ М и а с а х и б — ‘Умар Цамкани (см. Введение).

¹⁹ М л а д ш и й м и а н. — Видимо, имеется в виду ‘Убайдаллах, младший сын ‘Умара Цамкани.

²⁰ М у х а м м а д и - с а х и б — старший сын ‘Умара Цамкани.

В каждом доме возвысь голос доброй вести,
Дома с родными ведайте добрые речи.
Пойди в родной дом, в дома всех моих родственников,
Осведомись, разузнай о положении каждого.
Пойди с поклоном к отцу,
Порадуй его известием [о сыне], порадуйся встрече с ним,
Сними с меня тревогу об 'Аскаре, Файзи.
Потом обойди другую родню, прояви учтивость.
Обойди, о милостивый, некоторые лавки,
Попроси у них поддержки и улетай.
Вырази мое большое почтение Мир-Хасану,
Пойди к шейху Маху, стань его жертвой.
Когда устанешь от знакомых в своем доме,
Тогда пойди покажись в доме Ахмад-Джана,
Сначала передай ему большой привет,
Потом заключи его в объятия,
Сядь с ним в уединении, объясни мое положение, 35а
Поговори с ним о явном и сокровенном.
Сначала расскажи ему о своем положении,
Затем послушай, узнай о его состоянии.
Если увидишь Нураллаха или других друзей,
Расспроси о их делах.
Получи разрешение идти в Тирах и уходи,
Сразу иди напрямик по дороге в Кохсар,
Через ущелье Гандааб лети к Бара,
Прямым путем пройди через деревню Азим.
Когда дороги поравняются с деревней,
Пусть не обременит тебя выражение почтения Сахиб-Му'аззам-
шаху,
От меня передай ему низкий поклон.
Простившись, отправься осмотреть город Канбар,
Поднявшись на вершину Кунда, подивись,
Все горы, одну за другой, облети обзревая.
Нужно осмотреть Манзи и Шахкот.
Пролети вдоль межевых знаков Майры,
Облети Ландуку и все другие горы
И поспеши еще к Нанавару.
Ради меня, с места на место и от горы к горе 35б
Развейся, постранствуй над Тирахом,
Каждому скажи приветствие от Акбара,
В молитве пусть меня помянут: «Да будет счастлив!»

[Касыда автобиографическая]

- 62а Теперь я расскажу тебе все о себе по порядку,
Ты выслушай во имя Пречистого,
Я к тебе воззвал во имя Бога и пророка,
Не прерывай, если ты раб Милосердного.
Известна в мире истина:
Что посеешь, то и пожнешь,
За добро воздается добром,
Зло — зложелателям.
Какова добрая власть у доброго Бога,
Никто того не может описать.
Он всевластный могучий Владыка,
Любое дело — легкое для него,
Добрые дела вершит своим могуществом
И всегда добивается им добра.
Нет места пересудам:
По воле Пречистого Господа
Из шипов появляются розы,
Из роз возникают шипы —
Так велика сила власти,
Что я бессилен ее описать.
- 62б Расскажу о своей цели,
Прекратите шум, друзья!
Хотя и один из плохих рабов,
Я был рабом Благодетеля.
Добротою славного Бога,
Милостью Воздающего.
Я провел несколько лет в Кашмире.
Наместником был Нур ад-дин-хан.
Судьбой мне даны были в удел
Встречи с великими людьми.
В посещениях мною наставника-пира
Бог даровал мне веру,
А потом судьба разлучила нас.
Много лет прошло.
Сокровенные дела мои рухнули
И наружность моя истлела.
Я долго разыскивал его,
Находясь в разлуке, пребывал в желании [встречи].
Много времени прошло в тоске,

Ни мгновения я не был спокоен.
Наконец я устремился в Кашмир,
Будучи не в силах переносить разлуку,
С помощью Султан-Махмуда,
Повеление которого исполнили гонцы.
Наместником в Кашмире был Амир,
Он стал врагом султана,
Который [сказал]: «Приди мне на помощь
Сам, не теряя времени».
От счастья у меня подпрыгнуло сердце,
Я отправился из родных краев.
Отправился я из родной страны
Со снаряженным войском.
Пробыл ли я один миг на родине
Или прошло много времени?
Когда милостью Божьей я поднял
Свой штандарт в Камрадже,
Султану наступило облегчение,
А врагам я стал тяжек.
Потом дошел до меня слух,
Что Хаджи Каримдад-хан
Стал сардаром и отторгнул Кашмир
От владений хакана.
Снова мое величие возросло,
А для злополучного Амира стало подобным высокому небу.
Он отправил гонцов для заключения перемирия,
Ему очень нужен стал султан.
Султан принял союз,
Был установлен мир,
Но счастья не было, не настало оно,
Сделка никак не удавалась.
Амир все-таки остался на своем месте,
Каримдад снова ушел.
И у этого моего правителя рассудок
Наконец совершенно помутился.
Мне не посчастливилось встретить
Достойно своего пира.
И я уехал оттуда на родину,
Рыдая и стеная в разлуке.
Два года я переживал
В этом стремлении к полю боя:

63a

63b

- 64a Разве врагов при помощи десницы Божьей
Не разметал я по царствам?
Наконец спустя некоторое время
Султан раскаялся в своем отношении ко мне,
Утомил себя поисками,
Загонял своих людей.
Бог устроил мою встречу с ним,
Этого я просил у Пречистого.
Я снарядил войско
И пошел на войну за веру.
Всюду я вербовал
Достойных прекрасных воинов.
Был объявлен 1190 год (21 февраля 1776 г. — *В. К.*),
Когда я покинул дом.
Я шел от стоянки к стоянке,
Пока не прибыл к султану.
Там я задержался ненадолго
И снарядился к войне.
- 64b Снова пошел я в Камрадж,
Тотчас появился на поле боя,
Одними угрозами захватил
Укрепление Амир-хана.
Я приступил к обстрелу
И заключил договор [с союзниками],
Каждый день давал бой
На поле отважных.
Удары Амира были очень неточны,
Его ядра были безвредны,
Во все стороны летели искры,
Но ядра не попадали в цель.
Некоторое время перестрелка
Шла таким образом.
Однажды напали
На нас враги,
С утра завязался бой
Пушками, копьями,
- 65a Но закончился мечами,
Все войско было изумлено мною.
Потом товарищи бежали от нас,
Предоставив нас самим себе.
Кроме Бога никто не остался в помощниках.

Была ли поддержка вельмож?
Хотя друзья проиграли сражение,
Мы снова подняли знамя,
Но Бог не стал руководить,
Ядра были подобны упрямым ослам.
Если хозяин покидает дом,
Что остается делать бедным путникам?
Снова у меня возникло желание уйти на другую сторону,
Чтобы сделать трудным для него (Амира?) этот мир,
Возмутить покой врагов,
Поджечь их цветник.
Итак, что крылось за этой войной,
Мне стало ясно.
Наместничество в Кашмире получил
И стал субадаром ²¹ Каримдад-хан.
Он меня приметил
И приветил.
Я счел момент подходящим
И отправился обратно.
На службе субадару я
Заключил союз с Кохистаном.
Мужи всегда нужны,
Будь то враги или друзья.
Это известная людям истина —
Герой хорош живым.
Направившись пред очи субадара
Ураганом в сердце врага,
Я встретился в Пакли
С Хаджи Каримдад-ханом
И сразу переправил
Всех воинов через реку.
На встречу с наместником
Прибыл Махмуд-Султан.
Перед ним все было устроено,
Запылало царство у Амир-хана.
Передвигаясь от стоянки к стоянке, вступил
В Кашмир Каримдад-хан.
Бедствие обрушилось на Амира,
Распри возникли среди его бойцов.

656

66a

²¹ С у б а д а р — в монгольской империи правитель провинции, губернатор.

Не было числа нашим войскам,
Воинов было больше счета.
Амир бежал из Кашмира,
И имя его было потом забыто,
А сам он был связан как собака,
Как паршивый пес.
Глаза его были постоянно в слезах,
Он плакал, как баба.
Как бы то ни было, я
Служил с чистыми душой и сердцем,
У меня были чистые намерения в отношении хакима,
Я не заводил других друзей,
Каждому [врагу] я был обнаженным мечом,
Я не знался с другими ханами.
Как Бог един, так и друг у меня был один,
Но нечестивцы стали соперничать со мной.
Я поехал на службу,
И были у меня там хулители,
Говорили всякого рода мерзости,
И я не знал, ей-богу.
Число клеветников перешло границы —
И шимров, и йазидов ²².
Я был очень возвышен при дворе,
Враги боялись меня.
Посчитаю придворных врагов
Еще раз, хоть и без пользы.
Один шимр был моим большим врагом,
Лжец, проклятый шайтан,
Другой, его брат, был йазидом
Ложной веры, кафир Мардан.
Он несправедливо набросил на меня
Ложные подозрения.
Сам он, в зложелательстве,
Пресмыкался перед сардаром,
Свою черную грязь перекладывал на меня,

²² Й а з и д — второй омейядский халиф (годы правления — 680—683). При нем в октябре 680 г. были убиты в сражении с халифским войском при Кербеле третий шиитский имам Хусайн, его брат 'Аббас и несколько десятков их сподвижников.

Ш и м р — по шиитским преданиям имя убийцы имама Хусайна. В персидской литературе имена Йазид и Шимра стали нарицательными и означают злодеев-убийц.

Себя же, как мог, представлял чистым.
Но ни свои, ни чужие ничего не выгадали:
Мои враги стали друзьями.
Мне лично никакой выгоды
Не было от индийских мусульман.
Сардар же был настолько добр,
Что не умерщвлял несчастных.
Я не в состоянии назвать отдельно каждого,
Бесконечными были бы объяснения.
Кафиры, отрекшиеся от Бога,
Ложью возвысили себя.
Были в той своре и другие псы,
Но зачем говорить о таких собаках?
Ложь, клевету сотворили против меня.
Сахибхан возвратил их,
Но подлым собакам не было пользы,
И пусть Бог принизит клеветников!
Он же сам (наместник) проявил благожелательность,
Сделал их поэтому своими друзьями.
Пусть горе падет на лжецов!
Ни за что принесли мне несчастье.
Я никому не был врагом
И сардару не делал ничего плохого.
Я ушел из родной земли скитаться
В поисках удачи,
Но и здесь — Боже, погуби врагов! —
Они нанесли мне ущерб.
Наместник был очень дружен со мной,
Но из-за них стал ко мне немилостив.
Он не верил [в мою враждебность],
Но они заставили его подозревать,
Они испортили мое дело в его глазах,
Эти грязные клеветники.
Те, кто был мне предан, отошли от меня,
Пешками стали молодцы,
Велик был вред от придворных,
Которые стали моими врагами.
Но они подверглись Божьему гневу
И гневу султана
За то, что несправедливо раздули
Огонь меж двух друзей.

67a

676

68а Если [допустить, что] я выступаю против слова Божьего,
То кто же тогда признаёт Коран?
Ведь я никогда не сомневался
В чистоте Пречистого.
Я столкнулся с нищетой,
Собаки-вероотступники пожирают мир.
А ведь я был щитом жизни сардара,
Копьем, обращенным против врага.
Одиноким я покинул дом,
Стал скитаться,
Ушла моя слава из царств,
Очернили меня перед падишахами.
Я надеялся на большое богатство,
Теперь живу подаянием.
Остались без меня дом и семья,
Сам я раскаиваюсь в приезде сюда.
Меня одолевают сомнения,
Вспоминаются мне друзья,
Все время стоит перед глазами
Моя семья.

68б Я приглашал из дома
Детей и родных,
Но разочаровался в их приезде.
Вернулись некоторые юноши.
Из-за них я недоволен жизнью,
Не могу найти себя во времени.
Мои домашние на родине
Во всем нуждаются.
Почему я оказался зависим
От индусов и мусульман?
Теперь, сколько бы ни было любви,
Сердце не обретет покоя.
В моем тщетном притворстве не будет
Никогда покоя сердцу.
Я так измучен жизнью,
Что считаю: легче умереть, чем жить.
Но не дозволено мне приготовить
Свой отдых от времени,
Я ли кинул пламя на злых духов,
Или меня бросят в него демоны...

(Здесь, возможно, лакуна).
Он Бамизай из Попалзаев,
Дуррани, афганскому эмиру
Родственник, по крови близкий
Вазиру Шах-Вали-хану,
Прекрасному сардару этой эпохи, —
Хаджи Каримдад-хан.
Несчастье таилось в моем вдохе,
Дом врагов был разрушен.
Были разлучены прекрасные друзья.
Проведя восемь месяцев,
Я не устал от службы,
Но теперь прошу у него разрешения уйти домой.
Если Бог создал его добрым,
Расстанемся в согласии,
Не возникнут меж нами распри.
Мы отправимся на родину,
А он пусть остается.
Раба постигнет его участь,
Ведь рабов не ценят.
Оплакивай свою судьбу, Акбар,
Хаджи не заслуживают порицания.

69a

69b

**Указатель имен лиц, этнонимов
и топонимов к рукописи
«Гулшан-и афган»**

Кроме имен подлинных лиц, в указатель включены имена вымышленных персонажей, образованные, по большей части, соединением названий различных блюд, фруктов, овощей и т. п. с разнообразной титулатурой (званиями, должностями), преимущественно тюркского происхождения. Автор прибегал к этому приему в сатирических набросках, однако в его время реальным людям иногда принадлежали подобные имена, например, Хафиз Шарбатхан, Зафаран-хан, Мушки-хан, Дарйа-хан, Гург-‘Али-хан, Шамшир-Бахадур. Указаны листы рукописи.

‘Абд ал-Кадир Хаттак 100б
‘Абд ар-Рахман 77б
Абу-Бакр 79б, 93а
Абшура Ниса 143а (вымышл.)
Адам 15а (в сочетании аулад-и Адам Ёпотомки Адама, люди&)
ал-‘аджам 15а (зд.: Ёперсидский язык&)
А‘зам Гухгу 141б, 144а (вымышл., непристойное)
А‘зам Кани 141а, 144а (вымышл.)
‘Азим 35а (деревня)
Акбар 47а (могольский император)
Ал-и дида-марау, хваджа 141а (вымышл.)
‘Али 89б, 90а, 93а, 129б, 131а, 162а, 177а (имам)
‘Али-Акбар, сайид 91 (предок Шах-Накшбанда)
‘Али-Акбар, Акбар, ‘Али-Акбар ибн Касим-хан Оракзай 16а, 19а, 21а, 26а, 27а, б, 28а, б, 30а, б, 31а, б, 35б, 37а, б, 38а, б, 39а, б, 41а, б, 42а, 43а, б, 44а, б, 45а, б, 46а, б, 47б, 48а, 49б, 51а, б, 53а, 56а, 57а, 60б, 61а, 69б, 70а, 71а, б, 72а, б, 73а, б, 74а, б, 80а, 88а, 94а, 95а, б, 96а, б, 98а, 117б, 128б, 131б, 132б, 133а, б, 134а, б, 135а, б, 136а, 137а, 147а, 149а, 150а, 151а, 152а, 154а, 155а, 156а, б, 157а, б, 158а, б, 159а, 160а, 161а, 163а, 165а, 166а, б, 167а, 168а, 169а, 170а, 171б, 172а, 173б, 175а, 176а, 177а, 178а, 183б, 185б, 186а, 187а, б, 189а, б, 190а, 191б, 192а, 197а, 202б, 205б
‘Али-йи вали, см.: ‘Али 129б
‘Али малик 141а (вымышл.)
‘Али Муса 91а (имам, предок Шах-Накшбанда)
Алу-Бахара-бек 143а (вымышл.)
Амир, см.: Амир-хан
Амир ал-му‘минин Шах-Мардан ‘Али, см.: ‘Али 89б, 90а

- Амир-хан *63a, б, 64б, 65б, 66a*
Ангур-шах *144б* (вымысл.)
ал-‘араб *15a* (зд.: Ёарабский язык&)
‘Аскар *34б, 210б, 212б* (сын ‘Али-Акбара)
Атак, Атэк *32б, 33a, 58a* (город Атток)
афган, афгани *14б, 15a, б, 16a, 17a, б, 48б, 49a, 125б, 145б, 146б, 173б, 174б*
Афзал-‘Али, мирза *142a* (вымысл.)
Афридай *29б*
Ахмад (= Мухаммад) *162a*
Ахмад Джам *129a*
Ахмад-Джан *34б*
Ахун, хаджи *33a*
Ачар-кули Туршизай (вымысл.)
- Баграм *124a* (улга-и Баграм)
Бадам (ага Бадам) *143a* (вымысл.)
Бадинджан, муфти *140a* (вымысл.)
Бадр-шах, саййид *116a*
Бакир-хани-бек *144a* (вымысл.)
Бакр *210б* (сын ‘Али-Акбара)
Балуч *142a*
Бамизай (Бамизай Попалзай Дуррани) *69a*
Бандибуда *140б, 141a* (геогр., вымысл.?)
Банну *58a*
Бара *35a*
Барф Гухгу *141б* (вымысл.)
Барфи, мирза *144б* (вымысл.)
Батанг, мирза *142a* (вымысл.)
Баха ад-Дин (хваджа Мухаммад Баха ад-Дин Накшбанд ибн саййид Мухаммад Джалал ад-Дин) *80б, 81a, 82a—90a, 92a, 94a, 132б, 161б, 162a, б, 164a, 174б, 2000a, 202б, 213б*
Бихи, шейх *140б, 144a, 145a*
Бихи-хан, рабб *141б* (вымысл.)
Бугра-бахадур *141a, 1443б* (вымысл.)
Буджа Ахсан *141б* (геогр., вымысл.?)
Бури, даи *141a, 144a* (вымысл.)
Бурджал *39б*
Буррани-бек Бадахши *144a* (вымысл.)
Бурхан-Дин Килич *90б* (дед Шах-Накшбанда)
Бута-хан *139б, 140б, 142б, 143б, 144a, 145a, б*
Бухара *90a*
- дэ Вали Баг *33a* (топогр.)
Вилайат *20a, 61б* (зд.: Ёстрана афганцев&)

Гаглу-мир (Каклу-мир) 140б, 145а (вымысл.)
Гандааб 35а
Гуджар 147а (этно.)
Гул Насир 'Али, уstad 165а
Гулшан-и афган 18а (название афганской части сборника 'Али-Акбара)
Гушт-Кули, мирза 142б (вымысл.)

Дакка 125б
Дар ал-Аман, см.: Чамкани Дар ал-Аман
Дар-бихишт-бек 144б (вымысл.)
Дари 14б (язык)
Дарчини-Султан 142б, 144б (вымысл.)
Джабра'ил 165а
Джам 106а
Джамму 143а
Джангал Чаудхри 141б (вымысл.)
Джа'фар-Банди 142а (вымысл.)
Джа'фар-мирза (и мирза Джа'фар) 124а, б (начальник канцелярии губернатора Пешавара)
Джа'фар Садик 91а (имам)
Джаханабад, дар ал-хилафа 143б
Джилам (Джелам) 32б
Джуграт-хан 142б, 144б (вымысл.)
Диван-Сирамал 143а (вымысл.)
Дигдан, наккарабаши 143б (вымысл.)
Дигча-бек-хан Хабаши 143а (вымысл.)
дихкан 29б (таджик? иранец?)
Дуррани, шах 69а, 114а, 174б, см. также: Бамизай

Зайн ал-'Абидин 91б (имам)
Зангибар 38б
Зардак, шайх ал-ислам 140а (вымысл.)
Зардалу-хан 142а (вымысл.)
За'фаран-хан 142б, 144б (вымысл.)
Захра 129б (жена 'Али)
Зиришк-хан Хабаши 143а (вымысл.)
Зулайха 166б (библ.)
Зулпи-хан (Зулбийя-хан?) 144б (вымысл.)
Зу-л-Фикар 177а ('Али)
Зухра 165б (планета Венера)

Ильяс 116а, б
'Иса 136а
Исканджабин-хан Кизилбаш 144б (вымысл.)

йазид, йазиди 66б

Йахйа 210б (сын 'Али-Акбара)

Йахйа, миан 32б

Йахни-бек-хан 143а (вымысл.)

Йусуф 115а, 166б (библ.)

Йусуф 33а, 122а (житель деревни под Пешаваром)

Қабаб-Аниши-бек 143а (вымысл.)

Қабаб-бек, мирза, харкарабаши 141б (вымысл.)

Қабаб-и Гавчашм Хиндузай, мирза 142а, 144а (вымысл.)

Қабул 39б

Қаджа-худжа 144б (вымысл.)

Қадир-Бати 140б (вымысл.)

Қаду, кази 140а (вымысл.)

Қайма-Байат-хан 142а (вымысл.)

Қаланфарр-Султан 142б

Қаклу-мир, см.: Гаглу-мир

Қамрадж 63а, 64б, 139б (округ в Кашмире)

Қамран 145б (округ в Кашмире)

Қанбар 35а (геогр. и этн.)

Қандйар-хан Хиндустани 144б (вымысл.)

Қандахар 114а

Қарари-Дас 141б (вымысл.)

Қаримдад-хан 29а, 63а, б, 65а, б, 66а, 69а, 125а, б, 174б

Қатхер 31б

кафир 29б, 30б

Кашмир 29а, 62б, 63а, б, 65а, 66а, 92а, 116а, 125а, 139б, 141а, 142а, 143б, 145б, 146а, 171б, 172а, 210б

Коран 68а, 86б, 93а, 94а, 168а

Котли 34б

Кохистан 65б

Кохсар 35а

Крас-рина 141а, 143б (вымысл.)

Кубад-бек Хики, мирза 141б (вымысл.)

Кулийа-хатун, биби 141а (вымысл.)

Кулча-бахадур 142а, 144а (вымысл.)

Кунда 35а (гора)

Курма-Мирза 144б (вымысл.)

Кутлама-Музаффар 142а, 144а (вымысл.)

Ладу-мир 144б (вымысл.)

Лаззатпанах, см.: Мурабба'-хан

Лайли 94б, 170а

Лакнау 31б

Ландука 35б (гора)

- Ласа-рина 141a (вымысл.)
 Ласу Хабахи, мулла 141b (вымысл.)
 Лахчипура 139b (может быть, вымышленный топоним, автор относит его к округу Камрадж в Кашмире)
 Лачи-бек 142b, 144b (вымысл.)
- Мавиз-бек Кабули 143a (вымысл.)
 Маджи-Абджи 141a (вымысл.)
 Маджнун 48a, 74a, 94a, 170a
 Мадина (Медина) 199a
 Майра 33b, 35a
 Макка (Мекка) 198b
 Максуд-Тунг 142a (вымысл.)
 Макути-ханум 143a (вымысл.)
 Мала-Ласу Хабахи 141b (вымысл.)
 Манал-‘Умар 33b
 Манзи 35a (геогр. и этн.)
 Мансур Сам 178a
 Марван 66b
 Мариса-Султан 142a (вымысл.)
 Масиха (Иисус) 73a, 133b, 166b
 Махди 162b
 Махмуд, саййид 90b
 Махмуд-Султан 63a, 65b (также: Султан-Махмуд)
 Маху, шейх 34b
 миан сахиб, см.: ‘Умар Цамкани
 мивазай (мевазай) 144b (этно. вымысл.: дигар мевазайха)
 мир-афган 48b (о Хушхал-хане «Шахиде»)
 мирза Каба, б, см.: Кабаб
 мирза Кабаб-бек, см.: Кабаб-бек
 Мир-Хазар 124a (губернатор Пешавара Мир-Хазар-хан Алкозай)
 Мир-Хасан 34b
 Мир Шах-Му‘аззам 138a
 Миср 203a (Египет)
 Митри-рани 143a (вымысл.)
 Михр 121b (Солнце)
 мугул 29b, 203b
 Му‘аззам-Шах, см.: Сахиб-Му‘аззам-Шах
 Му‘иззаллах 32a
 Му‘иззаллах-хан 145b
 Мули-малик 141a, 144a, 145a (вымысл.)
 Мункар 120b (имя ангела)
 Мурабба‘-хан Лаззатпанах 141b (вымысл.)
 Мурад-хан, сардар 57b (Мурад-хан Попалзай)
 Муртаза 91b (имам ‘Али)

- Муса 190*б* (пророк Моисей)
Муса-Казим 91*а* (имам)
Муса Суфйан 203*а*
мусалман, муслим 29*б*, 30*б*, 67*а*
Матанджан-шахзада 144*б*, 145*б* (вымышл.)
Мухаммад 15*б*, 20*б*, 79*б* (Мухаммад Мустафа), 91*б*, 92*б*, 101*б*, 155*а*, 159*а*, 174*б*
Мухаммад-Бакир, саййид 91*б* (имам)
Мухаммад Баха ад-Дин, хваджа, см.: Баха ад-Дин
Мухаммад Булак 90*б*
Мухаммад Джалал ад-Дин, саййид хваджа 90*а*
Мухаммад Руми 90*б*
Мухаммади-Сахиб 34*а*
Мухманди 125*б* (этно.)
Муштари 121*б* (планета Меркурий)
- Набат-бек-хан 144*б* (вымышл.)
Надир-шах 59*б*
Наки, саййид имам 91*а*
Накир 120*б*
наккарабаши Дигдан, см.: Дигдан
накшбандиййа 81*б*
Нанавар 35*а* (геогр.)
Нан-Кули-бек 142*а*, 144*а*, *б*, 145*а* (вымышл.)
Наргис-шахзада 144*б* (вымышл.)
Наушахр 33*б*
Наушери 114*б*
Нахуд-хан Кашгари 143*а* (вымышл.)
Нил 203*а*
Нишан-хан 124*а* (вице-губернатор Пешавара)
Нур ад-Дин-хан 62*б* (Нур ад-Дин-хан Попалзай ибн Ислам-хан)
Нураллах-хан 35*а*, 145*б* (Нураллах-хан Хотак валад-и хаджи Зангу-хан)
Нух (Ной) 129*б*
- оракзай 29*б* (этно.)
- Пакли (Пакхли) 65*б*
Палуда-ханум 143*а* (вымышл.)
Панджгам 116*а*
Папар-Кули-бек 143*а* (вымышл.)
Паранчал 143*б*, 144*а* (перевал)
паштун, паштуны 29*б*, 48*б*, 49*а*
Паштунхва 32*а*, 48*б*
Пенджаб 32*а*, 37*б*, 173*б*

Пешавар 346, 122a, 123a, 124a
 Пийаз, шейх 143a (вымысл.)
 Пийаза-хатун 143a (вымысл.)
 Пийази-Сингх 143a (вымысл.)
 Пийала-Кул 142a (вымысл.)
 Писта, хваджа 143a (вымысл.)
 Попалзай, см.: Бамизай
 Пулав-шах 1446 (вымысл.)

Рай-Мурч-Сингх-Маратх 1426, 144a, 145a (вымысл.)
 Ранджит-Дев, раджа 143a (вымысл.?)
 Рауган-бек-хан 1426, 1446 (вымысл.)
 рафизиты 68a
 Рикаби-бек 142a (вымысл.)
 Ротас (Рохтас) 32a
 Рум 44a (Византия, также игра слов: ру-м — Ёмое лицо&)
 Рустам Гуджар Баннучи 1416, 1456, 146a, 6
 Рустам-мир 1406 (вымысл.)

Са'ди 138a
 Са'ид 336
 Сак-Тантари 1406 (вымысл.)
 Сак-Тантари-Дал Дида-марау 1436 (вымысл.)
 Салман, ака 140a (вымысл.)
 Санг-малик 1416 (вымысл.)
 Сарай (Сарай Акора) 33a
 Сарафраз-хан (Сарфараз-хан), сардар 33a (хаким Сарай Акоры)
 сардар 67a, см.: Махмуд-Султан
 Сарпача-бек Хабаши 1446 (вымысл.)
 Сарпуши-Кули Мугул 143a (вымысл.)
 Сахиб 346 (очевидно, Мухаммади)
 Сахиб-Му'аззам-Шах 35a
 Сиддик-дар 141a (вымысл.)
 Сикандар 106a
 Сирафил (Исрафил) 1206
 Сирка-Тунг Сингх 141a (вымысл.)
 Сирхинд 32a
 Сулайман 116a, 6, 117a, 6 (сын Али-Акбара)
 Сулайман 1656 (царь Соломон)
 Султан ибн Султан 140a (вымысл.)
 Султан-Кул 142a (вымысл.)
 Султан-Махмуд, см.: Махмуд-Султан
 Султан-Махмуд (Банба?) 1456
 Сумми-малик 1416 (вымысл.)
 Суфи Мухаммад, сайид 906

Та‘амбахш-хан *143a* (вымышл.)
Табаса-хан *144b* (вымышл.)
Таббак-Кули, мирза *143a* (вымышл.)
тази *14b* (арабский язык)
Таки, саййид имам *91a*
Таркари-Дас *143a* (вымышл.)
татар *72a* (татарин, татарский)
Тилрам *141a* (вымышл.)
Тирах *16a, 33a, 35a, б, 80a* (Тирах-и Хайбар)
Тудармал *143a* (вымышл.)
Тур *190b, 203a* (гора на Синае)
Тухм-и-мург-хан Кукарзай *141a, 143b* (вымышл.)

‘Умар *79b, 93a, 162a*
‘Умар Цамкани *34a* (миан сахиб)
‘Усман *79b, 93a, 162a*

Файзи *34b*
Фатима *90a, 91b* (Фатима-и Захра)
Фахр ад-Дин, саййид *90b*
Фирини-бегум, биби *143a* (вымышл.)

Хабаш *38b*
Хабиб, сакин-и Дакха *125b*
Хаджи Каримдад-хан, см.: Каримдад-хан
Хайбар *16a*
Хайдар (‘Али) *79b, 177a*
Хайрабад (Хайрабат) *33a*
Хак-Кани *141a, 143b* (вымышл.)
Халва-Мухтасиб, мулла *140a* (вымышл.)
Халил *129b*
Хамир *172a* (гора)
Харбуза-Кули *144b* (вымышл.)
Хасан *93a* (имам)
Хасан-Абдал *32b*
Хасан ‘Аскари, имам *91a*
Хасан-Байат *142a* (вымышл.)
Хафиз *28b, 132a, 148b, 149a, 151a* (поэт)
Хинд *20a, 37b, 47a* (Индия)
хинду *67a* (индиец, индус)
Хиндустан *105b* (Индия)
Хотан *72b*
Хумайун-‘Али-шах *140a* (вымышл.?)
хунди *125b* (этно.)
Хусайн *91b, 93a* (имам)

Хушка-бек-хан 140б, 145б (вымысл.)
 Хушхал-хан Хаттак «Шахид» 48а, 49б

цамкани 34а (этно.)

Чадура (Чадварх?) 141а, б (вымысл. топоним?)

чагата 15а (чагатаец)

Чамандар 141а, 144а (вымысл.)

Чамакани Дар ал-Аман 33б

Чамча-баши 143б (вымысл.)

Чашнидар-мирза 144б (вымысл.)

Чин 44а (метаф.)

Чира-Кули Хабаши 142б (вымысл.)

Чунт-Банди 142а (вымысл.)

Шалапури 143а (вымысл.)

Шарбат-Кули-бек 142а, 144а, 145а (вымысл.)

Шах-‘Абд ар-Рахим ал-машхур ба Шах-Каман 62б (пир-и муршид),
 81б, 98б (хазрат хваджа пир-и дастагир), 184а

Шахбад 33б

Шах-Вали-хан 69а

Шах-Каман, см.: Шах ‘Абд ар-Рахим

Шахкот 35а

Шалгам, мулла 141б (вымысл.)

Шах-Накшбанд 89а, 89б, см.: Баха ад-Дин

Шах-Мардан (‘Али) 129б

Шах-Шахан 16б, 80б (название персидской части сборника стихов
 ‘Али-Акбара, см.: Гулшан-и Афган)

Шимр 66б (имя собственное, вероятно, в нарицательном значении)

Ширбириндж-хан 142а, 144а, 145а (вымысл.)

Ширмал-хан 144а (вымысл.)

Шахзадэй 47а (Гаухарниса, дочь ‘Азиз ад-Дина Мухаммада ‘Аламги-
 ра II, одна из жен Тимур-шаха Дуррани)

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова К. А.* Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.). М., 1952.
- Аристов Н. А.* Об Авганистане и его населении. СПб., 1898.
- ‘Ариф ‘Усман.* Хушхал-хан Хатак ау дэ дэ адаби мактаб. Кабул, 1361 (1982).
- Арунова М. Р.* Фирман Надир-шаха // СВ. 1958. № 2. С. 116—120.
- Арунова М. Р., Аирафян К. З.* Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958.
- Асланов М. Г.* Афганцы // Народы Передней Азии, М., 1957. С. 56—106.
- Аирафян К. З.* Делийский султанат. М., 1960.
- Бабур-наме.* Записки Бабура / Пер. М. Салье. Ташкент, 1958.
- Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана: Сочинения. Т. II, ч. 1. М., 1963. С. 167—433.
- Гамильтон А.* Афганистан. СПб., 1908.
- Ганковский Ю. В.* Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 г. // СВ. 1958. № 2. С. 82—87.
- Ганковский Ю. В.* Независимое Афганское государство Ахмад-шаха Дуррани и его преемников (1747—1819) // Независимый Афганистан. М., 1958. С. 164—179.
- Ганковский Ю. В.* Северо-Западная Индия под властью шахов Дуррани // КСИБ. XXVIII. 1958. С. 60—74.
- Ганковский Ю. В.* Из истории осады Кандагара Надир-шахом Афшаром в 1737—1738 гг. // КСИБ. XXXVII. 1960. С. 27—33.
- Герасимова А. С., Гирс Г. Ф.* Литература Афганистана. Краткий очерк. М., 1963.
- Гордон-Полонская Л. Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии. М., 1963.
- Дарвеза Ахунд.* Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар. Рукопись СПбФ ИВ РАН С 1960.
- Илахйар-хан Мухаммад.* ‘Аджаиб ал-лугат (введение). Рукопись Британской Библиотеки Ог. 399.
- Кабул. Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах. Ч. 1—2. М., 1847.
- Кушев В. В.* Афганская рукописная книга (очерки афганской письменной культуры). М., 1980.

- Кушев В. В.* О языке произведений афганского поэта 'Али-Акбара Оракзая // ППиПИКНВ. Вып. XIX, ч. 1. М., 1986. С. 214—218.
- Кушев В. В.* Афганские племена Хайбара и Тираха в стихах 'Али-Акбара Оракзая // ППиПИКНВ. Вып. XXI, ч. 2. С. 25—29.
- Кушкеки Бурханеддин.* Надир-и Афган. М., 1957.
- Миклухо-Маклай Н. Д.* Из истории афганского владычества в Иране (20-е годы XVIII в.) // Учен. зап. ЛГУ. СВН. № 179. 1956. Вып. 6 (195). С. 138—158.
- Мухаммед Казим.* Поход Надир-шаха в Индию (извлечение из Тарих-и аламара-йи надири) / Пер., предисл. и примеч. П. И. Петрова. М., 1961. [Мухсин Фани Кашмири]. Дабиستان-и мазахиб. Канпур, 1904.
- Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду до Лагора... и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом... А. Борнсом. Ч. 1—3. М., 1849.
- Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815.
- Рейснер И. М.* К вопросу о складывании афганской нации // ВИ. 1949. № 7. С. 66—85.
- Рейснер И. М.* Возникновение и распад Дурранийской державы // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М., 1951. С. 53—81.
- Ritter K.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан / Пер. В. В. Григорьев. СПб., 1867.
- Семенова Н. И.* Государство сикхов. Очерки социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX в. М., 1958.
- Barton W.* India's North-West Frontier. London, 1939.
- Beaurecueil S. de Laugier.* Manuscrits d'Adghanistan. Paris, 1966.
- Belles H. W.* Inquiry into the Ethnography of Afghanistan. London, 1891.
- Burnes A.* Cabool: a Personal Narrative of Journey to and Residence in that City, in the Years 1836, 7 and 8. London, 1843.
- Conolly A.* Journey to the North of India, Overland from England, through Russia, Persia and Afghaunistaun. London, 1838.
- Conolly E.* Notes on the Yusofzye Tribes of Afghanistan // JASB. Vol. IX, pt. II. 1840. P. 924—38.
- A Dictionary of the Pathan Tribes on the North-West Frontier of India. Calcutta, 1899.
- Ferrier J. P.* Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan; with Historical Notes of the Countries Lying between Russia and India. Transl. By W. Jesse. London, 1857.
- Fraser-Tytler W.* Afghanistan. A Study of Political Developments in Central Asia. London, 1953.
- Ganda Singh.* Ahmad Shah Durrani: Father of Modern Afghanistan. Madras, 1959.
- Gupta H. R.* Studies in the Later Mughal History of the Panjab (1707—1793). Lahore, 1944.

- Hayat Khan Muhammad*. Afghanistan and its Inhabitants / Transl. From the Hayat-i Afgan[i] of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestley. Lahore, 1874.
- Mann Oscar*. Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Shah Durrani (1747—1773) // ZDMG. Bd. 52. Leipzig, 1898, S. 97—118. 161—186, 323—358.
- Rahim Abdur*. Mughal Relations with Persia and Central Asia (Babur to Aurangzeb). Aligarh, [s. a.].
- Raverty H. G.* Notes on Afghanistan and Part of Baloochistan, Geographical, Ethnographical and Historical... London, 1881.
- Rose*. A Glossary of the Tribes of the Panjab and N. W. Frontier Province. Lahore, 1919.
- Sarkar J.* The Fall of the Mughal Empire. Vols. I—II. Calcutta, 1949—1950.
- Selections from the Poetry of the Afghāns from the Sixteenth to the Nineteenth Century: Literally Translated from the Original Pas̄to... by Captain H. G. Raverty. London, 1862.
- Storey C. A.* Persian Literature. A Bio-bibliographical Survey. Section II. London, 1935.
- Sykes P.* A History of Afghanistan. Vols. I—II. London, 1940.
- The Aín-i Akbarí by Abul-Fazl-i-‘Allámí / Ed. in the Original Persian by H. Blochmann. Vol. 1. Calcutta, 1872.
- The Maasir al-Umara by Nawab Samamu-d-Daulah Shah Nawaz Khan. Vol. II. Calcutta, 1890.

Условные сокращения, применяемые в тексте

- ‘Али-Кули-Мирза — ‘Али-Кули-Мирза И‘тизад ас-салтана. Тарих-и вака’и ва саваних-и Афганистан. Тегеран, 1273 (1857).
- Амирбекеян I — Амирбекеян Р. И. Миниатюры афганской рукописи Матенадарана // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. Ереван, 1982. № 4 (99). С. 165—176.
- Амирбекеян II — Амирбекеян Р. И. Суфийская тематика миниатюр персидского фонда Матенадарана // Древнерусское искусство (рукописная книга). М., 1983.
- Ашрафян — Ашрафян К. З. Делийский султанат. М., 1960.
- Бахтанай I — ‘Абдаллах Хидматгар Бахтанай. ‘Али-Акбар Апридай ау д—хаг— калами диван «Гулшан-и афган» // Кабул, 1343 (1964). № 7/540.
- Бахтанай II — ‘Абдаллах Хидматгар Бахтанай. Д— пашто хидмат д—цамкано д— Миа ‘Умар сахиб п— коран—й-ке // Кабул, 1355 (1976). №7/676. С. 87—99.
- Бенава — ‘Абд ар-Ра’уф Бенава. Паштунистан. Кабул, [б. г.].
- Ганковский — Ганковский Ю. В. Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. М., 1958.
- Губар — Мир-Гулам Мухаммад Губар. Ахмад-шах — основатель афганского государства. М., 1959.

- Ефремов — Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786.
- Кушев I — *Кушев В. В.* Уникальная афганская рукопись из собрания Матенадарана (к биографии неизвестного афганского поэта) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (ППиПИКНВ). Вып. VIII. М., 1972. С. 34—39.
- Кушев II — *Кушев В. В.* К биографии Али-Акбара Оракзая — афганского поэта XVIII века (по его произведениям в уникальной рукописи Матенадарана) // Вестник Матенадарана. Ереван, 1977. № 12. С. 114—133.
- Кушев III — *Кушев В. В.* О странствиях афганского поэта 'Али-Акбара Оракзая во владениях Империи Дуррани // Страны и народы Востока. Выпуск XXVI. М., 1989. С. 212—224.
- Массон, Ромодин — *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 2. Афганистан в Новое Время. М., 1965.
- Му'иззаллах — *Му'иззаллах.* Диван. Пешавар, 1957.
- Мунши — *Махмуд ал-Хусайни ал-Мунши.* Тарих-и Ахмад-шахи. М., 1974.
- Паштан — Паштан — Т. II. [Кабул], 1971.
- Паштан — шу'ара — Паштан — шу'ара. Т. II (сост. С. Риштин). Кабул, 1321 (1942); Т. IV (сост. А. Х. Бахтанай). Кабул, 1957 (1978).
- Рейснер — *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
- Ришад — *Ришад 'Абд аш-Шакур.* Д — Цамкано Миа-сахиб // Ариана. Кабул, 1359 (1981). № 4/334 и отдельное издание: Кабул, 1360 (1981).
- Саларзай — *Саларзай Мухаммад-На'им.* Миаган цок-ди? // Кабул, 1362 (1984), № 11/765. С. 81—82.
- Тарих-и султани — Китаб-и мусамма' ба Тарих-и Султани, та'лиф-и Султан Мухаммад-хан Дуррани. Бомбей, 1298 г. л. х.
- Фуфалзай — *Фуфалзай 'Азиз ад-дин Вакили.* Тимур-шах Дуррани. Т. I—II. Кабул, 1346 (1967).
- Хайат-хан — *Хайат-хан Мухаммад.* Хайат-и афгани. Лахор, 1867.
- Хевадмал I — *Хевадмал Залмай.* Фарханг-и адабиййат-и пашто. Т. I, II. Кабул, 1356 (1977); 1365 (1986).
- Хевадмал II — *Хевадмал Залмай.* Д — пашто д — адаби тарих хатти нусхе. Кабул, 1366 (1987). № 35, 36.
- Хисматуллин — *Хисматуллин А. А.* Суфийская ритуальная практика. СПб., 1996.
- Хусайн — *Хусайн.* Диван / Сост. Хамеш Халил. Пешавар, [б. г.].
- Хусайн Али — *Хусайн Али.* Украшение летописей / Пер. с перс., введ. и примеч. Г. А. Волошиной. Ташкент, 1965. С. 104—112.
- 'Allāmī — The Ain-i Akbarī by Abul-Fazl-i-'Allāmī. Ed. in the original Persian by H. Blochman. Vol. 1. Calcutta, 1872.
- 'Allāmī — The Ain-i Akbarī by Abul Fazl-i Allami / Translated from the Original Persian by Colonel H. S. Jarrett. Vol. 2. Calcutta, 1891.

- Barani — [*Ziyā ad-dīn Baranī*]. The *Tārīkh-i Feroz-shāhī* of Ziaa al-Din Barni, Commonly Called Ziaa-i Barni. Ed. by Saiyid Ahmad Khān under the Superintendence of W. W. Lees... and Mawlawi Kabir al-Din. London & Calcutta, 1862. (Bibliotheca Indica. Vol. 33).
- Bellew — *Bellew H. W.* General Report on the Yusufzais. Calcutta, 1864.
- Blumhardt, Mackenzie — *Blumhardt J. F. & Mackenzie D. N.* Catalogue of Pashto Manuscripts in the Libraries of the British Isles. [S. l.], 1965.
- Caroe — *Caroe O.* The Pathans 500 B. C. — A. D. 1957. London, 1958.
- Cunningham — *Cunningham A.* The Ancient Geography of India. London, 1871.
- Darmesteter — *Darmesteter J.* Chants populaires des Afghans recueillis par James Darmesteter. Paris, 1888—1890.
- Elphinstone — *Elphinstone E. M.* An Account of the Kingdom of Caubul and its Dependencies in Persia, Tartary and India comprising a view of the Afghaun Nation and a History of the Doorraunee Monarchy. Vol. 1. London, 1839.
- Forster — *Forster G. A.* Journey from Bengal to England through the Northern Part of India, Kashmir, Afghanistan and Persia by the Caspian Sea. Vol. 2. London, 1798.
- Gazetteer — The Imperial Gazetteer of India. [Vols. 7, 21]. Oxford, 1907—1908.
- Ivanow — *Ivanow V. A.* Concise Descriptive Catalogue of the Persian Manuscripts in the Collection of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1924.
- Lockhart — *Lockhart L.* Nadir Shah. Critical study based mainly upon contemporary sources. London, 1938.
- Masson — *Masson Ch.* Narrative of Various Journeys in Baloochistan, Afghanistan and the Panjab, from 1826 to 1838. Vol. I. London, 1842.
- Pelevin — *Pelevin M. S.* Pashto (Afghan) manuscripts from the State Library of Berlin // Петербургское востоковедение. Вып. 6. СПб., 1994. С. 338—357.
- Raverty — *Raverty H. G.* *Tabak, āt-i Nāsirī*: a General History of the Muhammadan Dynasties... London & Calcutta, 1881. (Bibliotheca Indica. Vol. 78).
- Trimingham — *Trimingham J. S.* The Sufi Orders in Islam. Oxford, 1971.

**ПРИЛОЖЕНИЕ:
ФАКСИМИЛЕ ТЕКСТОВ
ИЗБРАННЫХ КАСЫД**

35a

62a

65a

67a

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ РУКОПИСИ «ГУЛШАН-И АФГАН»	5
Характеристика рукописи: переплет, бумага, оформление, приписки	8
Состав сборника	16
К биографии ‘Али-Акбара Оракзая. Литература, суфизм, политика и война в его жизни	19
География жизни и деятельности ‘Али-Акбара.	35
Некоторые особенности языка ‘Али-Акбара	43
Миниатюры — иллюстрации к тексту	54
ПЕРЕВОДЫ	58
[Касыда о Надир-шахе и Ахмад-шахе].	59
[Касыда о посещении родных мест, друзей и знакомых]	64
[Касыда автобиографическая].	68
Указатель имен лиц, этнонимов и топонимов к рукописи «Гулшан-и аф- ган».	76
ЛИТЕРАТУРА.	85
ПРИЛОЖЕНИЕ: ФАКСИМИЛЕ ТЕКСТОВ ИЗБРАННЫХ КАСЫД	90

В. В. КУШЕВ

«ГУЛШАН-И АФГАН»:
СОЧИНЕНИЕ АФГАНСКОГО ПОЭТА XVIII В.
‘АЛИ-АКБАРА ОРАКЗАЯ

научное издание

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*
Ответственный редактор — *М. С. Пелевин*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

Издательство
«Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.03.2003
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90 ¹/₁₆. Объем 8 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ №

PRINTED IN RUSSIA
Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12